

Наталия Григорян

кот в коробке

Наталия Григорян

Кот в коробке

«Издательские решения»

Григорян Н.

Кот в коробке / Н. Григорян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962683-7

Яна выходит замуж за гениального физика Антона. Вскоре Антон совершает открытие — доказывает существование эвереттовских миров, «параллельных вселенных». У проекта Антона появляется спонсор Олег Вайцеховский, который начинает навязчиво ухаживать за Яной. Внезапно Антон исчезает. Его поиски оказываются безрезультатными. Олегу удается обольстить Яну, и она становится его женой. С этого момента жизнь Яны превращается в ад, она доходит до последней черты, но тут получает послание от погибшего мужа... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962683-7

© Григорян Н.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	14
4	18
5	25
6	32
7	40
8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кот в коробке

Наталия Григорян

© Наталия Григорян, 2019

ISBN 978-5-4496-2683-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

План был прост, но на подготовку все равно ушло две недели. Надо было все точно рассчитать: когда отвлечется кто-нибудь из персонала, где слепая зона у камер, как незаметно попасть в гараж и открыть багажник Крузера. Она точно помнила, что видела там трос, но водитель постоянно крутился в своей комнатухе и угодливо выбегал, как только хозяйка направлялась к двери, со своими идиотскими вопросами. Уже три раза приходилось разворачиваться, придумывая что-то на ходу. А ведь доложит, как пить дать. Обо всех ее подозрительных действиях обязан докладывать.

Но самым трудным было «держать лицо», и, несмотря на долгие годы практики, это давалось ей особенно тяжело. Решение было принято около недели назад. Не намерение, а именно решение. Единственная мысль, как заезженная пластинка, крутящаяся в голове непрерывно была «я больше не могу». Она что-то отвечала, когда он к ней обращался, что-то ела, когда ее звали обедать или ужинать, ее куда-то везли на машине, она смотрела в окно, за которым теперь все время шел дождь, и думала «не могу больше, я больше не могу, я не могу».

Однако способ ухода из жизни приходилось обдумывать серьезно. Ее практически ни на секунду не оставляли без присмотра. За каждым ее движением следило множество глаз: охрана, прислуга, камеры. Камеры везде, даже в ваннных комнатах, даже в гардеробных, и по всей территории поместья.

Купить лекарство – абсурд, нужен рецепт, а это нереально. Обратиться к врачу без разрешения мужа? Нет. Наркотики тем более. Вскрыть вены? Разве что кухонным ножом, но увидят, откачают. Выброситься из окна? В доме всего два этажа, максимум ноги переломаешь. Доступа к огнестрельному оружию нет. Или перерезать себе горло кухонным ножом, но это может не получиться, вдруг рука дрогнет. Бесконечно бродя по огромному лесу вокруг дома, она пришла к выводу, что единственный вариант – повеситься. Все чаще она стала приходить на поляну с тем самым дубом, где так любила посидеть на бревне во время прогулок с Тузом. Да, место отличное. Камера захватывала только часть поляны. Если зайти со стороны леса, можно быстро закинуть веревку вон на тот сук, встать на поваленный ствол под ним и прыгнуть. Быстро, и ой как это его взбесит. Записку она напишет короткую: «Я ушла от тебя, мразь!»

Вернувшись домой, она внимательно осмотрела свой гардероб. Ничего подходящего. Ремни короткие, шарфы тонкие. Задалась вопросом, где, собственно, прислуга сушит белье, и выяснила, что в машинах. О том, чтобы купить веревку, понятно, не могло быть и речи. Тогда она и вспомнила о тросе в багажнике Ленд Крузера. Осталось его достать. Это реально. Это быстро. Подготовится, пройти через гараж, взять трос, сунуть в рюкзак, и сразу в лес – якобы гулять. Должно прокатить. С этой мыслью она и легла спать рядом с человеком, страшно мучившим ее последние шесть лет, и первый раз за три месяца быстро уснула, как провалилась...

2

С первым мужем Антоном, Тосей, любимым, самым родным человеком в мире, Яна Ленская познакомилась на летней практике после третьего курса Лестеха. Дело было под Серпуховым, в небольшом студенческом лагере. Янина группа изучала лесное хозяйство, а студенты МФТИ работали на Ускорителе. Жили в бывших деревенских домиках, выкупленных институтом под студенческую базу. Единственным признаком цивилизации поблизости был сельский магазин, торгующий преимущественно хлебом, сигаретами и галошами. Поэтому по вечерам гуляли у реки, танцевали в местном клубе, жгли костры. Скоро все перезнакомились. Среди физиков не было ни одной девчонки, да и не больно-то это их волновало. Даже вечером у костра они продолжали обсуждать какие-то, по мнению лестеховцев, невысказанные вещи на непонятном никому языке.

Но встретив его, Антона Крутова, Яна сразу поразились, как могло получиться такое, что они до сих пор не встретились. Она узнала в нем свою половинку, в первые же минуты знакомства. Он сел рядом, болтали ни о чем, и смотрел он так тепло, словно они только что встретились после долгой разлуки. Потом бродили вдоль реки, пахло кувшинками и какими-то сладкими болотными травами. Бешено голосили лягушки. Почти сразу выяснилось, что Янина фамилия – Ленская – Антону хорошо знакома, потому что работы ее отца были Антоновскими настольными книгами. Более того, профессор Ленский был его кумиром, и это удивительное совпадение поразило обоих. Они вообще совпадали во всем – во взглядах на жизнь, вкусах, понятиях, словно выросли в одной семье, словно были вместе всю жизнь. Узнав его фамилию – Крутов, она сразу поняла, что именно о нем говорят все его однокурсники как о вундеркинде, редкой умнице, практически гении. Он учился на «Квантовой электронике», что для Яны было за пределами добра и зла, туда поступали либо дети профессоров, либо экстремально талантливые ребята. Так, по крайней мере, говорил ее отец.

Потом Яна не могла толком вспомнить ту ночь. Помнила только, что как следует разглядела Антона, только когда вошло солнце. Он был очень высоким, с длинными руками и ногами, чуть сутулый, с улыбочивым открытым лицом и мягким голосом, а в уголках глаз всегда играла улыбка. Яна, как правило бывшая на голову выше окружающих, впервые в жизни чувствовала себя рядом с ним дюймовочкой. Как-то само-собой получилось, что они взялись за руки, а костер остался далеко позади, и стихли голоса. И Яна уже не понимала, говорят ли они о чем-то или просто думают в унисон.

А когда вошло солнце, им обоим все стало ясно, и они, по-прежнему держась за руки, пошли назад в деревню. Комары перестали существовать, остался только березовый ветер, цикады и острое предчувствие огромного счастья, от которого захватывало дух и фразы становились короткими, и паузы длинными, и необходимость говорить о чем-либо таяла в первых рассветных лучах. Вот это и осталось в памяти навсегда. Не где они бродили и о чем разговаривали, а только бесконечное, чудесное своей внезапностью чувство завтрашнего счастья.

С того дня они стали неразлучны, пространство вокруг само собой трансформировалось таким чудесным образом, что не прошло и недели, как они уже жили в общаге вместе, потому что сосед Тоси снял квартиру, а комендант общежития проявил невиданную для него лояльность, на что уходила вся Тосина стипендия. Все складывалось само собой, как пазлы. Удивительно то, что даже Янина мама, вечно тревожная и подозрительная, ни о чем особо не спрашивала, когда Яна забирала из дома наскоро собранный чемодан. Просто стояла в коридоре, и Яне приходилось протискиваться мимо, чувствуя кожей ее недовольство, но не обращая на это ни малейшего внимания. Тося ждал у подъезда, хотя просился подняться в квартиру, познакомиться с мамой. «Не надо, долго объяснять,» – взбегая по ступенькам, крикнула она через

плечо, и вдруг осознала, что ей ни капельки не жаль покидать эту сырую захламленную квартиру. Хорошо бы, навсегда.

До станции шли пешком, Тося волок чемодан – не лезть же с ним в маршрутку. О такси не могло быть и речи, денег было впритык на то, чтоб дотянуть до стипендии. Навстречу валила толпа, как раз закончили работу все городские предприятия и НИИ, в которых работало практически все население подмосковного закрытого городка, где прошло Янино детство, и откуда она теперь уезжала вместе с любимым – навсегда, она понимала это тогда, и так и вышло. По окнам электрички хлестал майский дождь, в вагоне было пусто, они сидели, обнявшись на деревянной лавке и смотрели, как за окнами, вся в молниях и ливнях, на них наплывает Москва.

В общаге на Керченской Яна сразу почувствовала себя как дома. Появление Яны, а вернее их с Антоном союз, был воспринят Тосиными однокурсниками с удивлением. Всем было не до личной жизни, учеба в МФТИ отнимала все силы и все время и о личной жизни никто даже не мечтал. Ни будь Антон Крутов, как говорил их декан, самородком-самоучкой, вряд ли бы Янина жизнь развернулась тогда на крохотном пяточке, в десять квадратных метров на девятом этаже общежития.

Но по вечерам общажная жизнь все равно как-то теплилась, обычно набивались к кому-нибудь в блок, жарко спорили о теории поля или вероятностей, много смеялись, пили вино, если удавалось его достать. Яну с Антоном тут же прозвали «Ан-Янь», и было за что, они всегда были вместе, из любой компании норовили скорее улизнуть к себе в комнату. О, что это была за чудесная комната! Там пахло книгами и кофе, в одном углу стояли две сдвинутые общажные кровати, в другом стол, а на нем настоящая зеленая лампа, как в библиотеке. Яна нашла ее на помойке около своего института, отмыла, а Тося заклеил плафон. По ночам ее не выключали, и Яна навсегда запомнила ее тихий давний свет, и окно, за которым только оранжевое московское небо, и Тосину руку, прижимающую ее к себе, и как он уютно посапывал во сне, а она боялась пошевелиться, чтобы его не разбудить.

Раз в неделю Яна ездила домой в Королев навестить маму. Всякий раз привозила ей продукты и лекарства, часами убиралась в квартире. Выяснилось, что весь быт, после смерти отца, держался именно на ней. Знакомить маму с Антоном она не спешила, да и мама – Марина Ивановна – не проявляла особого любопытства. Если приходилось бывать в Королеве, Яна обязательно забегала к лучшей подруге Дашке. Даша училась в Архитектурном, домой приезжала поздно и не каждый день. Поэтому иногда встречались в Москве, как правило урывками, у метро. Быстро обменивались новостями. Иногда Даша была с приятелем, иногда Яна – с Антоном. Дашке он ужасно понравился. Тем, что, несмотря на «технический гений», был очень легким, веселым и доброжелательным, легко общался на любую тему, жутко веселил смешливую Дашку своим уральским «так-то».

К середине июня общага опустела, все разъехались по домам. Сессия была сдана: Антоном как всегда блестяще, Яной – с грехом пополам, что лишний раз доказывало папин тезис о том, что личная жизнь мешает в учебе именно девушкам. Твердо решив за лето подтянуть упущенное, особенно физику, Яна честно занималась по несколько часов в день, Тося помогал, объяснял, ерошил ей волосы, размахивал руками, рисовал на бумаге графики и схемы.

Пора было строить планы на лето, но не хотелось. Антону надо было бы навестить маму в Ревде, где он вырос. В деревянном доме с палисадником, заросшем флоксами. У Яны в голове не укладывалось, каким образом он, простой, можно сказать деревенский пацан, выросший без отца в глухой провинции, умудрился поступить в Физтех. Какого труда ему стоило готовиться, находить книги и учебники, ездить два раза в неделю в Екатеринбург на курсы. Такое было под силу разве что Ломоносову. Антон хотел познакомить маму с Яной, «С женой», – как он сказал, хотя официального предложения и не делал, но было совершенно очевидно, что иначе и быть не может.

Но они все тянули с отъездом, слишком уж пусто и тихо стало в общежитии, ночи были такими короткими. Иной раз они по нескольку дней не выходили на улицу и спохватывались, когда заканчивались совсем все продукты, включая чай и сахар. Иногда выбирались гулять в Сокольники, где бешено пели соловьи и квакали лягушки. Бродили по дорожкам, и Антон рассказывал Яне свои бесконечные истории о теории струн, парамагнитном резонансе и параллельных мирах.

– Мало того, что ты гениальный физик, – улыбалась она, – ты еще и гениальный педагог. Серьезно, ты так объясняешь, что и ребенок понял бы. Мой отец вот так же рассказывал.

– Ты скучаешь по нему, Малыш? – он обнял ее.

– Скучаю. Не так, чтобы до слез, уже больше трех лет прошло. Он умер как раз как только я поступила, как будто дожидался этого. Он меня к экзаменам готовил. Знаешь, мне его безумно не хватает. Я почти все ему рассказываю, вспоминаю по сто раз в день. Но уже без боли. Наверное, в глубине души я знала, что так и будет. У него всю жизнь были проблемы с сердцем, два инфаркта. Да еще работа такая. И мама, – она запнулась, – не хочу тебя грузить.

– Малыш, ты меня грузить не можешь даже теоретически, я всегда все пойму, почувствую, ты же знаешь. Я же люблю тебя, – он остановился и развернул ее к себе. Она смотрела на него снизу вверх и видела, как уже немного осеннее солнце путается в его выгоревших за лето волосах, как собираются еле видные морщинки вокруг его вечно смеющихся глаз, как дрожит в уголке рта крохотная улыбка.

– А вот почему, Тося, с тобой не получается драматичного экскурса в детство и юность? – они засмеялись, – и он прижал ее к себе. И они еще долго бродили по вечеряющему лесу, а когда Москва наступили сумерки, добрались до любимой кафешки на краю центральной аллеи. Заказали себе по капучино (о, тогда это было еще новое, модное слово), и пили его, переглядываясь через свечу на столике.

– Жаль, что вы не познакомились, – продолжила Яна, – жаль, что он никогда не пил капучино. А только бурду из цикория, хотя кофе он любил очень. А еще он был гениальным физиком.

– Так-то я все его работы читал, и оба диссера, – вставил Антон. Яна прыснула. Ох уж это его «так-то», – Чего? – он смешно сложил брови домиком.

– Эх, уральский ты у меня пацан!

– А то, – заулыбался Тося. Выговор у него и впрямь был забавный, гласные чуть растянуты, согласные скомканы, и это ей безумно в нем нравилось. То, что он такой огромный, добрый, и такая умница. Да что там? Гений, – Между прочим, именно у него я нашел пересечения с неким Вигнером, а я тогда им просто фанател.

– Если бы я что-то понимала, – улыбнулась Яна, предвкушая захватывающий рассказ о невероятном мире, каким его знал и понимал только Антон.

– А я тебе сейчас объясню, – Тося сел на своего любимого конька, – понимаешь, существуют как бы две физики. Ну, это всем известно. Одна – физика слабых взаимодействий, она описывает наш материальный мир, – Антон развел руками, – то есть взаимодействия любых тел, имеющих массу. Взаимодействуют они, еще раз, слабо. И все это описывается Ньютонской физикой. А существует мир сильных взаимодействий. Мир частиц, квантов. Там все вообще по другому, не работает ни один закон. Там не существует ни пространство, ни время. А частица может находиться одновременно в разных местах. Более того, иногда на ускорителе фиксируют нарушение причинно-временной связи. Ведь что такое время? мы про него, в сущности, ничего не знаем, кроме того что оно существует и куда-то движется. То есть сначала случается причина, а потом следствие. Вот, например, мы с тобой познакомились под Серпуховым, поэтому сейчас пьем кофе в Сокольниках, а не наоборот.

– Как наоборот? – поразила Яна.

– Если было бы наоборот, то время двигалось бы в обратную сторону. И, возможно, в каких-то мирах так и есть, потому что некоторые частицы так себя и ведут!

– А как это можно... засечь?

– Так на ускорителе же! – Антон завелся не на шутку, – направляют, например, пучок частиц на цель, а результат происходит раньше, чем пушка срабатывает. Ну, это если совсем просто объяснять. Там вообще много всякого странного происходит. До такой степени странного, что у физиков не хватает слов, чтобы эти странности описать. Знаешь, например, какие они придумывают названия, чтоб хоть как-то описать квантовые характеристики?

– Ну?

– Например, очарование, странность, красота.

– Как красиво! – улыбнулась Яна.

– Ага, а также странно и очаровательно! Ну так вот, слушай дальше. Существует теория, мне она особенно нравится в изложении Гейзенберга, и она наиболее точно описывает все странности квантового мира, о том, что каждая элементарная частица существует как бы одновременно во многих местах. Понимаешь, Если Гейзенберг прав...

– Это о нем ты на прошлой неделе рассказывал?

– Ты запомнила? – он просиял.

– Как не запомнить? Я потом всю ночь об этом думала. Это теория... – Яна защелкала пальцами, – Про кота в мешке?

– Да! Про кота! – Тося заулыбался.

– Не знаю, чему ты радуешься, лично мне жалко кота.

– Но кот-то гипотетический.

– Все равно жалко.

– Но ты же помнишь, в чем фишка истории с котом?

– В том, что его отравили газом.

– Нет! Это для затравки. Я тебе напомним: кота, помещают в коробку вместе со стеклянной капсулой с ядовитым газом. В качестве запала в капсулу вставлен прибор, в котором происходит радиоактивный распад атома, например, плутония. Из-за квантовой неопределённости запал может сработать и расколоть ядовитую капсулу, а может и нет, вероятность того и другого – пятьдесят процентов. И мы не знаем, жив кот или нет. До тех пор, пока мы не откроем коробку, кот пребывает одновременно в состояниях и «живой», и «мёртвый». Согласно квантовой механике, так как она реально действует в микромире, это состояние можно описать как «живомёртвый», то есть жив и мёртв одновременно. То есть, если мы не можем открыть коробку и посмотреть, как себя чувствует кот, то для нас существуют оба варианта. Понимаешь? Именно наше сознание и есть единственный критерий этого знания. А если этот критерий исключить, то оба варианта сразу начинают существовать одновременно. Вот это, собственно, и есть суть квантовой механики. Вот знаешь, например, как устроен обычный компьютер? Двоичная система. Один или ноль. Да или нет. То есть, или да, или нет. А квантовый комп – совсем другое дело. И да и нет одновременно. То есть, всякая определенность исключается. А определенность – это и есть основной принцип существования человеческого сознания. Мозг так устроен, понимаешь? Или да, или нет. По-другому мы не можем. Но вот я думаю, ведь мозг – это просто орган. Он умирает вместе с телом. Но есть ведь... еще что-то! Есть... я не знаю... дуца? Какая-то энергетическая составляющая человека. И вот на эту составляющую точно распространяются принципы квантового мира. Это же не материя. Это нечто большее, совсем иного качества, понимаешь? То есть мы можем чем-то, только не смейся, чем-то понять, что и да и нет существуют одновременно. Мы можем засечь этот факт. Ян, вот ты улыбаешься, а так-то все, что я говорю реально существует. Прямо сейчас. Везде и всегда. Это невидимая, тонкая часть вселенной, понимаешь? Для нас невидимая. Но так и есть, Яся. Я понимаю, в нормальной голове этот абсурд никак не укладывается. И, кстати, в качестве одного из возмож-

ных объяснений, Эверетт пришёл к неожиданно логичному выводу: а на самом-то деле котов в коробке может быть два. Ну, а если отрешится от кота, то это и называется квантовой неопределенностью. То есть, у каждой микрочастицы существует как минимум пара, то есть второй кот. А то и не пара, а великое множество. А это, понимаешь, означает что параллельные миры реально существуют. Эверетовские миры! И я собираюсь доказать это! И не только математически! У нас с Мишаней есть потрясающая идея. Мы хотим проверить, можно ли засечь спутанность не просто какой-либо частицы, а конкретного электромагнитного сигнала!

– Ого! Это значит...

– Это докажет, что параллельные миры реально существуют!

– Что значит «Не только математически»? А математически это уже доказано?

– Ну да! Ты помнишь, я тебе рассказывал про Гейзенберга? Гейзенберг при помощи матричной математики доказал, что каждый квант, то есть каждую элементарную частицу можно поместить как бы в матрицу его вероятностных находений, то есть он будет находится в ней одновременно везде, и в пространстве и во времени, понимаешь? Хотя и это не очень точно описывает ситуацию.

– Меня судьба кота очень беспокоит, – улыбнулась Яна, уже немного потерявшаяся а Тосиных квантовых дебрях, – Кот или два кота, или все эти коты живы? Или часть передохла?

– Понимаешь, Ясь, если бы нас не было в комнате или если бы мы вообще не знали об этом эксперименте, но знали кота лично, то кот был бы для нас жив?

– Ну... Нет?

– Вот именно! Получается, что только наше сознание связывает эту информацию, в этом-то и фишка. Об этом Вигнер писал.

– Стоп! – перебила Яна, – Вот эту фамилию я помню, папа рассказывал.

– Да! Твой отец разделял его концепцию того, что если обычное сознание выбирает один из Эвереттовских миров, то если это самое сознание специально натренировать, то оно может осознанно выбрать лучший из них! Нет, не лучший, а любой! Представляешь? Только как?

– Ну, я думаю, наука зря так разошлась с... религией что ли? Может, надо напрягать не только мозг.

– А что!

– А душу, – Антон смотрел как-то сквозь нее, – Я последнее время об этом много думал, особенно с тех пор, как мы вместе.

– Почему?

– Не знаю. Мне кажется, нас связывает нечто большее, чем всех, кого я знаю.

– Мы запутаны, как кванты, – Яна улыбнулась и взяла его за руку.

– Запутаны. В мертвый узел. Пойдем?

– Пойдем.

– Рассчитайте нас, пожалуйста, – крикнул Тося куда-то в темный угол кафешки.

В тот же вечер разговор об отце всплыл снова.

– На следующей неделе поедем знакомится с твоей мамой, а то это уже ни в какие ворота, – сказал Антон, присев рядом с ней на кровати. Он только что вышел из душа с полотенцем на бедрах, его мокрые волосы смешно ерошились и по груди с них стекали капли воды.

– Угу, обязательно. Ложись.

– Малыш, – ты мне толком ничего о ней не рассказывала, но я так понимаю, у тебя с ней какая-то напряженка? – он прилег рядом и смотрел на нее, подперев голову локтем, – Ты похожа на скандинавскую богиню, – он поправил светлую прядь волос, упавшую ей на глаза.

– «А давайте сменим тему», – голосом Донны Розы Дальвадорес ответила Яна и захихикала, – Ну как так у тебя в одном предложении и моя мама, и скандинавская богиня?

– Может, вы с ней похожи. Она такая же высокая? Блондинка? С такими же длиннющими ногами? Голубыми глазами? Колись! – он легонько ущипнул ее за бочок.

– Вообще все мимо, – Яна увернулась и ущипнула его в ответ, – На самом деле рост у нее метр шестьдесят пять, волосы темные были, сейчас, понятно, красит, глаза серые, характер скверный. Даже нет, не характер... Она всегда искренне всем недовольна. Кроме себя, разумеется. И знаешь, – Яна теснее прижалась к нему, – я побаиваюсь тебе все это рассказывать, ты же не подумаешь, что если я так критично отношусь к собственно матери, то со мной что-то не так? – она отловила его руку и обняла ее.

– Ясенька, бог с тобой. Ничто на свете не помешает мне любить тебя. Я всегда буду на твоей стороне, – он подгрел ее к себе поплотнее, – Давай, рассказывай.

– Только в двух словах, чисто для общего развития.

– Сокращение объема данных иной раз достигается за счет энтропийного кодирования, – скрипучим голосом профессора Иванова, – поучительно заметил Тося.

– Угу, – Яна примостилась поудобней, – тогда слушай. Мои родители встретились совершенно случайно, отец учился в МГУ на Физмате, а мама, ты не поверишь, в Пищевом. Вообще-то она говорит, что поступать туда не хотела, но дед настоял. Сейчас-то я понимаю, где ей надо было учиться. В театральном. Ну вот. Встретились они где-то в походе, тогда было еще модно. КСП всякие, костры, «Ты у меня одна»...

– А мне нравится, – перебил Антон, – вот это все: леса, костры, гитара, ты у меня одна. Кстати, так и есть.

– Словно в степи сосна? – Обернулась через плечо Яна.

– Словно в году весна. Ну давай дальше. Так-то они встретились и...

– И понеслось. Отец шел на Красный диплом, и роман его не испортил, мама кое-как защитилась. Отец сразу пошел в аспирантуру и через год досрочно защитил диссер. Они долго мыкались по общагам, потом снимали комнатухи в коммуналках. Мама все время прессинговала отца, что он не решает их бытовых проблем. Она, кстати, была красоткой. Компактная такая, с тонкой талией, хохотала так заразительно, кокетничала напропалую, в общем – звезда. Она себя всю жизнь так ощущала – звездой. Я ж говорю, надо было в Щепку поступать.

– А Николай Казимирыч? Ты же говоришь, что вся в него? Каким он был?

– В смысле внешне?

– Ну да, я только портреты в книгах видел.

– Очень высокий, чуть-чуть тебя пониже, но ты же прямо великан у меня!

– А ты великанша, – он взъерошил ей волосы, – огромная Валькирия!

– Ну вот, и ты туда же.

– Куда же?

– Мама меня постоянно подтравливает по поводу моих габаритов. Якобы любя.

– А я не якобы, и не подтравливаю. Я тобой восхищаюсь! Ты высокая, стройная, светлая. Ясная. Буду тебя так и звать – Ясная, Ясенька, – он поцеловал ее в шею, задышал чаще, – Яся, малыш...

Утром их разбудило солнце, требовательно обшаривая горячими лучами смятую постель. Пришлось проснуться. Яна потянулась и, прежде чем открыть глаза, вспомнила, что ей снилось. Станный сон. Будто она плутает по темному осеннему лесу, какому-то нездешнему, с огромными соснами или кедрами. Под ногами хвойная сырость, где-то вдалеке надрывно кричит птица, словно плачет. И Яна ищет Тосю, зовет его по имени, но он не откликается, от этого тревожно, и сердце бешено колотится в груди, перебивая крики странной птицы. И это продолжается бесконечно. Во сне Яна знала, что блуждает по этому лесу целую вечность, и что она не найдет Антона, и не выберется сама.

«Фу ты», – Яна помотала головой, стряхивая остатки сонного наваждения, и повернулась к Антону. Он не спал, смотрел на нее совершенно ясными серыми глазами и улыбался. Яна провела кончиком пальца по его носу, по губам, подбородку. «Боже, – думала он, – какие у него удивительные глаза! Они все переливаются, постоянно слегка меняют цвет, мерцают. И сразу

видно, какой он славный, какой он честный, какой добрый, какой он мой!» Яна порывисто поцеловала его в уголок рта и, прежде чем он успел ответить, села.

– Ну что, подъем?

– Подъем, малышня.

Чуть позже, жаря на общей кухне омлет с помидорами, Яна спросила у Тоси, сидящем рядом на подоконнике:

– Я тут подумала, а чего тянуть? Давай прямо сегодня к маме и съездим. Прямо вот позавтракаем и поедем, а?

– А что, давай! На сегодня мы вроде ничего не планировали. Кроме библиотеки, но библиотека и так каждый день, а знакомство с тещей – это, скажу я вам, событие.

– С тещей, – передразнила Яна. Это ты мне как бы предложение делаешь?

– Как бы да. Елки, забыл на колено встать, – он спрыгнул с подоконника.

– Нет-нет, прекрати, – запротестовала Яна, – смотри какая тут грязюка, а на тебе единственные чистые джинсы!

Но он все равно опустился перед ней на одно колено и достал из заднего кармана простую картонную коробочку и протянул ей.

– Яна Николаевна Ленская! – сказал он почему-то басом, торжественно взяв ее за руку своей огромной лапицей, а другую прижав к сердцу, – предлагаю Вам руку и сердце! Умоляю, осчастливьте бедного Пермяка- соленые уши, став его законной супругой! Клянусь любить Вас вечно, в болезни и здравии, в богатстве и бедности, пока смерть не разлучит нас! Не откажите простому...

Яна захохотала и потянула его за руку. Он поднялся, обнял ее и шепотом спросил:

– Ну?

– Даже не знааааю, – дебилно растягивая слова, пропела Яна, – я должнааа пааадумаааать... – они расхохотались, и он закружил ее по кухне, подернувшейся дымом от уже подгоревшего омлета.

3

...и проспала целых шесть часов. Без снов, в которых она искала Антона то в заснеженной Москве, вглядываясь в лица прохожих, петляя по замоскворецким переулкам, то бежала по темному сырому лесу. А последнее время в ее сны проник и Туз. Теперь она искала и его. Или их обоих – то по сумеречным лесам, по странным, давно покинутым мертвым городам. На этот раз Бог миловал, и она не бродила по набережным высохших рек, не заглядывала в окна домов, которые от одного ее взгляда осыпались в песочную пыль, не бродила, проваливаясь в черную болотную муть, не кричала, не звала, заранее зная, что она одна в этих пустых мирах, что никого, кроме нее здесь нет, потому что Антон в другом, прекрасном месте, что эти болота – не Авалон, а мертвые города – не Валгалла.

Просто она сама заблудилась. И надо выбираться. Яна открыла глаза, и тут же реальность набросила на нее черное душное одеяло. Она все вспомнила. Ком в груди, не дававший дышать – на месте. Но теперь она знала, где выход. Да. План. Следовать ему, и все будет хорошо. Все кончится.

Яна села. Олега рядом не было. Первый раз за многие месяцы она не проснулась, когда он встал, не слышала, как он, не церемонясь, мыча что-то себе под нос, ходит по комнате, принимает душ, стучит дверью гардеробной, звонит колокольчиком и орет в холле на горничных.

Яна посмотрела на часы. Девять пятнадцать. Хорошо. Надо додумать детали. Надо одеться, спуститься вниз, улыбнуться стукачке Нине, выпить кофе, осмысленно отдать пару ценных указаний шоферу Диме, желательно отослав его как можно на дольше. А потом остаться одной, сесть на диван в библиотеке с книгой в руках, прямо под камеру, и делать вид, что читает. А на самом деле додумать детали. Яна протянула руку и звякнула серебряным колокольчиком. Почти сразу в дверь деликатно постучали (чертова стукачка разумеется торчала неподалеку).

– Войди, Ниночка, – «Чтоб ты сдохла, дрянь», – вяло подумала Яна.

– Доброе утро, Яна Николаевна, – в комнату ввинтилась маленькая востроносая Нина, у нее был беличий прикус, неопределенного цвета волосы собраны на затылке в тощий хвостик, и вообще, во всем ее вертком облике и манерах проскальзывало что-то гибко-белечье, – Вы сегодня чудесно выглядите. Что Вы желаете?

– Принеси мне кофе, воды и мои таблетки.

– Олег Михайлович меня строго предупредил, что Вам нельзя запивать таблетки кофе, что надо сначала что-нибудь скушать. Давайте я легкий завтрак подам. Что бы хотели?

«Яду. И чтоб ты сдохла. В любом порядке», – привычно подумала Яна, и сказала:

– Тост и яйцо всмятку, апельсиновый сок. Свободна. – Нина, поджав губы, бесшумно выскользнула из комнаты.

Через двадцать минут, наскоро приняв душ и одев первое, что подвернулось под руку в гардеробной – джинсы и какой-то серый свитер, Яна спустилась в гостиную. Завтрак уже был на столе, покрытом белоснежной скатертью, за спинкой Яниного кресла чопорно стоял дворецкий – мистер Вайлд, пожилой мужчина, единственный местный из числа прислуги, функций которого Яна совершенно не понимала. Лицо его с усами в стиле Пуаро всегда оставалось каменным. Говорил он по-английски и по-французски, как и все в Канаде. Остальной персонал Олег привез с собой из России, чтобы не было никаких трудностей перевода и нюансов менталитета. А на самом деле просто потому, что персонал этот состоял из годами прикормленных, преданных ему шавок, готовых выполнять все его приказы, особенно в части контроля за ней, Яной.

– Good morning, ma'am, – негромко произнес Вайлд, отодвигая стул, когда она подошла ближе.

– Morning, – Яна присела к столу, и он сделал три шага назад. Зато рука Нины, невесть откуда взявшейся, приоткрыла серебряную крышку с огромного белого блюда, на котором одиноко стояла пашотница с яйцом.

– Приятного аппетита, Яна Николаевна, шепнула она вкрадчиво и вроде исчезла. Яна налила себе кофе из кофейника и застыла с чашкой в руке, невидящим взглядом глядя куда, -то в середину стола. Последнее время такое с ней случалось часто.

– Сначала покушать, – напомнила Нина шепотом, так неожиданно близко за спиной, что Яна вздрогнула, и кофе выплеснулся из чашки. По скатерти поплыло пятно, несколько капель попало на свитер.

– Выйдите все, – тихо сказала Яна. – Я съем, честное слово.

По тихому шороху за спиной она поняла, что, видимо, они действительно ушли.

Яна отломилла кусочек тоста, постучала ложкой по яйцу, она так и не научилась лихо отрубать ему ножом верхушку, как это делал Олег, отпила глоток сока и подвинула к себе, наконец, блюдечко с длинной белой таблеткой. Оглянулась на камеру слева за спиной. Таблетки и в самом деле были хороши. От них в голове не оставалось ни единой мысли, однако тело продолжало функционировать. Оно двигалось, ело, спало. Тупая игла в сердце не ощущалась почти до вечера. Ком в горле удавалось проглотить. Если бы эти таблетки выдавали ей не по одной в день, а, к примеру, всю пачку... Но нет, уж кем-кем, а дураком Олег не был. Он был больным садистом, как теперь понимала Яна. А она – слабой дурой, как выяснилось. Но сегодня-завтра она рассчитается по всем счетам. Поэтому принимать антидепрессант не следовало. Разум надо было содержать в чистоте и порядке, насколько это возможно. Яна взяла таблетку двумя пальцами и отправила в рот, запив соком. Встала и, бросив салфетку на стул, вышла из гостиной в холл. Постояла несколько секунд в центре, словно не знала, куда идти, потом свернула налево, прошла через каминный зал, облицованный полированным песчаником, и вышла на восточную террасу. Солнце стояло уже высоко над горами, лес щебетал и веял утренней свежестью. Яна вдохнула хвойный ветер с гор и в который раз подумала, что же случилось с ее жизнью, отчего она не может просто дышать, просто жить, радоваться чему-то хотя бы иногда. Она облокотилась о перила балюстрады, опустила голову и незаметно выплюнула таблетку. Ведь, казалось бы, вот она – свобода, рукой подать. Но нет. На самом деле она просто «могала срок» в этой на редкость комфортабельной колонии-поселении, черт бы его побрал.

«Ладно, хорош рефлексировать, – подумала Яна, – «Теперь переодеваться и на пробежку». Бегала Яна строго по территории вокруг поместья, не удаляясь в лес. Она старалась даже не смотреть в ту сторону, где всего месяц назад они гуляли с Тузом. Каждый день. По несколько часов. Они обследовали всю территорию, до последнего куста, исколесили все тропинки, и это были самые счастливые время за последние годы. Наматывая круги вокруг особняка, Яна поглядывала на гараж всякий раз, когда пробегала мимо. В пределах видимости постоянно маячил либо шофер, либо садовник, либо кто-то из охраны. «Это будет продолжаться вечно, -думала Яна, – надо что-то придумать, чтобы он повез меня куда-нибудь именно на Крузаке. В Тринити? Почему на внедорожнике? Скажу, что хочу купить... купить... Господи, он же не поверит, я никогда ничего не хочу купить. Да и черт с ним, с тросом», – она перешла на шаг, – «А не наведаться ли в домик садовника? У него найдется что -нибудь типа веревки. Точно.»

Яна свернула направо и пошла по дорожке, петляющей мимо идеально подстриженных газонов с хорошо продуманными купами голубых гортензий, к домику под огромной лиственницей. Садовник Андрей разогнулся, увидев ее. Он стриг куст самшита, придавая ему форму идеального конуса.

– Андрей, – Яна решила импровизировать, – можно я зайду к тебе, посмотрю каталог растений из питомника? Хочу, чтобы за восточной террасой рос какой-нибудь красный куст, а то там все слишком зеленое.

– Конечно, Яна Николаевна, – растерялся Андрей, к которому хозяйка обращалась всего пару раз в жизни, – Давайте я Вам все покажу!

– Не стоит, я сама,, – поспешно сказала Яна, открывая дверь, – Где у тебя книги и все такое?

– На полке, справа от двери, – успел сказать Андрей ей в спину.

Домик был небольшим и темным. В первой комнате хранились всякие семена, книги, каталоги, перчатки и чистые инструменты, в задней – все, что погрязнее:, лопаты, грабли, удобрения. Первым делом Яна огляделась в поисках камер. Не видно, но могут быть и скрытые. Поэтому надо быть осторожней.

Она стянула с полки каталог растений и присела на край стола, заваленного всякой садовой мелочевкой. Раскрыв его на первой попавшейся странице, Яна обшаривала глазами все вокруг, и почти сразу увидела несколько мотков толстой капроновой бечевки, висящих на крючках слева от двери. Полистав для видимости каталог еще минут пять, Яна бросила его на стол и направилась к выходу. На ходу стянула с крючка моток и присела на одно колено, якобы завязывая шнурок. Правой рукой она незаметно сунула моток в карман куртки, предусмотрительно накинутой поверх футболки. Куртка была безразмерной, никто не должен был заметить, что карман оттопырен. Выйдя из садового домика, Яна сразу перехватила взволнованный взгляд Андрея, более того, со стороны особняка в ее сторону довольно быстро шел кто-то из охраны, не было видно, кто именно, но черный костюм выдавал. Поэтому Яна непридуманно помахала рукой садовнику, улыбнулась и потрусила в другую сторону по дорожке, огибая газон со стороны леса. Позже, сделав большой круг, она увидела, что охранник, а теперь было видно, что это Игорь, подошел к Андрею и, видимо, допрашивает его с пристрастием о том, что понадобилось от него хозяйке. Что ж, хорошо. Теперь надо припрятать веревку.

Оказавшись на круглой поляне, Яна перешла на шаг, невольно косясь на камеры, расположенные, как она точно знала, на деревьях так, что вся территория отлично просматривалась. Художественный, как могло показаться с первого взгляда, беспорядок леса искусно поддерживался усилиями целой бригады озеленителей, в обязанности которых, в том числе, входило следить за тем, чтобы обзору каждой камеры ничего не мешало. Но Яна знала, что вон в том огромном дубе на высоте пары метров есть дупло, и зона эта не попадает ни в одну камеру, небольшой, в пару квадратных метров, кусочек свободы. И она направилась к дереву. Почти не сбавляя шаг, точным движением забросила моток в дупло и тут же пошла в том же направлении, что и прежде, точно зная, что прямо сейчас за ней следит как минимум одна пара глаз.

На подходе к дому ее ждала вездесущая Нина.

– Яна Николаевна, пока Вас не было, звонила Марина Ивановна. Я сказала, что Вы будете через полчаса. Не желаете перезвонить? – Нина тыкала в ее сторону черным телефоном.

– Она звонила не на мой мобильный?

– Нет, на домашний, хотела еще с Олегом Михайловичем поговорить, но я сказала, что он будет не раньше пять вечера.

«Сейчас она звонит ему на мобильный, без сомнений», – подумала Яна.

– Олег Михайлович просил спросить, не желаете ли Вы прокатиться в Тринити и поужинать с ним в Твайн Лофте? Если да, то столик заказан на четыре.

– Я никуда не поеду, – Яна предприняла попытку обойти Нину, направляясь к двери. Но та продолжала:

– А на обед что желаете, может...

– Отстань! – рявкнула Яна и тут же осеклась и сменила тон, – Я буду у себя в комнате. Насчет обеда – все равно. Что подадут. Только вряд ли я буду обедать.

– Но Олег Михайлович...

Но Яна уже поднималась по лестнице и не слышала ее. В спальне успели прибраться, кровать заправлена, белье поменяно, шторы подвязаны, в вазах новые букеты. Яна, не сняв даже кроссовок, повалилась ничком на кровать. Уснуть бы, но нет, это вряд ли получится. И в ее голове заезженной пластинкой закрутились знакомые мысли, по миллионному кругу, сначала тихо, потом все громче, и вот уже Яна стала шептать их в подушку, тихо-тихо, но все же вслух, ведь так они находили выход, улетали к адресату. «Тося, Тосенька, родной, малыш, прости меня, прости! Боги мои, вы знаете, я ослабла, я не справилась. Для предателей уготован девятый круг ада. Господи, если ты есть, помилуй! Тося, я правда больше не могу. Но вдруг это правда? Вдруг я не найду тебя там, если повешусь на том проклятом дубе? Вдруг я действительно попаду в ад? А ведь я просто хочу к тебе, я хочу быть с тобой! Но я правда больше не могу, малыш! Найди меня, найди меня. Прости меня», – она шептала это как мантру, пока не начала проваливаться в сон, и постепенно реальность подернулась дымкой и стала удаляться, но на границе яви и сна ее ждал не Тося, а черный пес Туз, пропавший больше месяца назад. Он нетерпеливо поскуливал, присаживался и тут же вскакивал, припадая на передние лапы. Он звал хозяйку гулять и не понимал, почему она не торопится. Туз заскулил, и этот звук вышвырнул Яну из сна взрывной волной.

Она резко села. Взглянула на часы. Полвторого. Поедет она в Тринити или нет, но если Олег заказал столик на четыре, то он точно туда приедет обедать – с ней или без нее. Значит, домой зайвится не раньше семи. Надо поторапливаться. Она встала и хотела уже пройти в ванную, но тут на ломберном столике завибрировал ее телефон. Яна бросила его туда пару дней назад и забыла о его существовании. Ей давно уже никто не звонил. Кроме мамы. Но большинство ее просьб и пожеланий были все равно адресованы Олегу, и Яна не сомневалась, что если не ответит на звонок, мать сразу перезвонит Вайцеховскому. Странно, что телефон не разрядился. «Не иначе, как спам, » – подумала Яна, взяла его в руки и разблокировала. На экране над значком сообщений появилась красная цифра один, и Яна нажала на иконку. Сообщение от скрытого абонента было длинным и состояло из непонятного набора значков, цифр и букв. „Что-то не так с кодировкой“» – решила Яна и, бросив телефон обратно на стол, прошла в ванную. Как только дверь за ней закрылась, телефон завибрировал снова. На этот раз на экране появилось окно с вполне читабельным текстом «ЯСНАЯ, МАЛЫШ, ЭТО Я. ПОЛУЧИЛОСЬ. ДЕРЖИСЬ, Я ТЕБЯ ВЫТАЩУ.»

4

Знакомиться с мамой действительно поехали в тот же день. Впереди были выходные, а это значило, что Марина Ивановна непременно поедет на дачу в Валентиновку, прихватив с собой подругу – тетю Иру, даму крайне стервозную. На дачу Яне ехать не хотелось. Да и вообще, Яна последнее время старалась туда не попадать. Слишком много было воспоминаний об отце. С возрастом он проводил там все больше времени, почти все, на что падал глаз, было сделано его руками. Он даже умудрился на участке, плотно заросшем настоящим хвойным лесом, развести небольшой огород на единственном пятачке, куда хоть как-то попадало солнце. Причем он подошел к делу с академической серьезностью – обложился литературой по садоводству, долго составлял графики посева, полива и удобрения растений, размечал грядки «по струнке», и это, как и все за что он брался, дало результаты. Под вековыми соснами умудрялись поспевать вполне приличные помидоры, картошки было хоть и несколько кустов, но каждая картофелина была размером с грейпфрут. К нему навевались коллеги «на экскурсию», цокали языками, восхищались. Марина Ивановна пару лет пыталась варить варенье из смородины, и это было единственное, чем она помогала отцу в саду, но потом и это забросила. Она вообще страшно не любила ничего делать руками, особенно если это было связано с бытом. Она была, разумеется, выше этого. Ее пребывание на даче сводилось к лежанию в гамаке, гулянием по лесу с подругами из числа дачников и раздачей ценных указаний своему мужу и дочери.

По дороге в Королев заехали к лучшему Тосиному другу и однокласснику Мишане, благо он жил на Комсомольской, в огромном сталинском доме, выходящим углом прямо на площадь Трех вокзалов. Лифт не работал, поднимались по широченной лестнице на восьмой этаж, Яна запыхалась, и спортивный Тося тянул ее за руку, толкал сзади, они хохотали и, оказавшись наконец у Мишаниной двери, вместо того, чтобы позвонить в звонок, начали целоваться. Долго это не продлилось, так как дверь рывком распахнулась, и Мишаня вылетел на лестничную площадку, чуть не сбив их с ног.

– Ох, ничего себе! – заорал Мишаня то ли с возмущением, то ли с восторгом. Яна рассмеялась. Мишаня был смешной – маленький, на три головы ниже Тоси, да и Яны не намного больше. Был он рыжим, как положено, конопатым, крепко сбитым, к тому же в очках. Выражение лица имел всегда крайне сосредоточенное. Вместе с Тосей (а они почти всегда перемещались по институту вместе) смотрелись они крайне комично. Мишаня задирает голову, а Антону приходилось сгибаться в три погибели, отчего его и без того длинные руки свисали чуть ли не до колен. Мишаня был необычайно темпераментен, особенно когда дело касалось квантовой физики и, в частности, темы, которую они с Антоном фанатично разрабатывали. Яна не особо вдавалась в подробности, но было совершенно очевидно, что Мишаня с Антоном надумали грандиозный проект, который, понятно, перевернет мировую науку, и для этого надо было достать дорогущее оборудование, а главное – спонсора, который бы оплатил их затею. Сейчас Мишаня находился в крайней степени ажиатации.

– Антон! – заорал он так, что аж «дал петуха», – не хватает всего пяти тысяч баксов! Я нашел магниты! Поворотные!!!! По одному Тесла каждый! Этого хватит! Всего две тысячи, Тоха! Где взять?!

– Э, тихо, тихо, – Антон даже тряхнул его за плечо, – тормози орать, так-то я с девушкой.

– Привет, Ян, – Мишаня бросил на нее торопливый взгляд и снова преданно уставился на Антона, разве что хвостом не вилял и не дрожал, хотя кто его знает.

– Давай в квартиру зайдём, – Антон легонько подтолкнул его к открытой двери.

– Да, да, проходите, – засуетился Мишаня, отступая в коридор, – Но ты меня слышал? Я тебе с утра названиваю, о у тебя «абонент недоступен».

– Деньги кончились. Давно. Откуда у нас, студентов, деньги на мобилу?

– Ну да, вот я как раз о деньгах. Хотел родителей раскрутить, но они говорят «Нет, мы в Ялту в августе поедим», ну как назло! У кого занять?

Тося, неумолимо продираясь через Мишанины вопли, неумолимо продвигался в гостиную, ведя Яну за руку следом. Сели на диван. Яна огляделась – высоченные потолки, протертый паркет и книги – много, много книг. Везде, на полках, в шкафах, на столе, а еще какие-то бумаги, чертежи, полу свернутые рулоны миллиметровки с графиками, вся стена справа плотно завешена листами, мелко исписанными формулами, причем многие из них явно Тосиным почерком. Здесь они в основном и заседали последние два года. Иногда Мишаня приходил к ним в общагу, но всегда производил впечатление человека уравновешенного. Видать, и впрямь ситуация была волнительной. Антон тоже сжимал и разжимал кулаки, что говорило о том, что он взволнован.

– Может, чаю? – спохватился Антон, а, Ян?

– Нет, спасибо, Мишань. Куда там? Жара такая. Вы решайте свои вопросы, я так посижу.

– Давай по порядку, – сказал Антон, – что там у тебя?

– Во-первых, – затараторил Мишаня, я нашел помещение. Подвал, но сухой. На Щелковской. Друг отца обещал сдать. Ну, не сдать, а бесплатно пустить. Там квадратов сто, разместимся. Стены толстые, доступ, главное, к воде есть. К сети не подключишься, придется от аккумуляторов при старте прикуриваться. Аккумуляторы я знаю, где достать. Литиевые, с конверсионного завода. Их якобы спишут. Не важно. Теперь про магниты: обещали два по Тесле каждый. Ты хоть представляешь, какая это удача? Я думал, мы их вообще никогда не найдем, а тут аппараты какие-то медицинские папин партнер из Швейцарии поставляет, ну, знаешь, томографы из них собирают, так он нам их на неделю просто напрокат даст, мы же вернем, ничего им не будет. Но за поворотные магниты придется пробахлять, хоть убей, тоже по одному Тесла каждый. Барыга, я так думаю, из числа расхитителей ускорителя, хочет по тысяче за каждый, сука! Прости, Ян. Где взять? Тоха, думай!

– Так, так, так, – Антон встал и заходил по комнате, то и дело задевая свисающие со стола листы, – Ну, где занять я, предположим, знаю. Дядька у меня двоюродный в Москве, он, предположим, одолжит. А как отдавать-то будем? – Антон тоже уже почти орал.

– Не знаю! Но мы ж надеемся, что сработает! Если получится доказать, что Эверетовские миры реально существуют? Тогда... Это даже не финансовый вопрос, это... бомба!

– Мишань, давай не орать. Если бы потенциальный спонсор нас сейчас увидел, то не то, чтобы денег не дал, а скорую бы вызвал. Короче, давай так: я прямо сейчас звоню дядьке. Если одолжит, так-то дело в шляпе. Звонишь тогда своим гнусным барыгам, снимаешь подвал. Идет?

– А то ж! – и Мишаня, пошарив рукой под столом, извлек из-под завалов допотопный дисковый телефон, – номер помнишь?

– Так-то у меня феноменальная память, – ослепительно, по мнению Яны, улыбнулся Антон, – А ты вот пока девушку развлеки. А ты мы с тобой вахлаки-вахлаками, тебе не кажется?

Пока Антон долго и подробно расспрашивал дядюшку о его давлении и уровне сахара в крови, Мишаня повел Яну в соседнюю комнату, которая оказалась как раз-таки кабинетом, и, тыча пальцем в огромный чертеж какого-то хитрого компактного ускорителя на стене, страстным шепотом зашептал, что без Тоси он ни за что бы не справился, что они на грани феерического открытия, и что они практически доказали существование параллельного мира.

– Еще немного, и из гипотезы это станет фактом, привстав на цыпочки, шептал он, стараясь одновременно прислушиваться, о чем там говорит Тося.

– Я в вас верю, – заверила его Яна, – Правда верю. Антон просто горит этой идеей. У меня хорошее предчувствие, честное слово.

– Ян, Антон – мозг. Идея, считай его. Но администратор из него никакой. Все на мне, все на мне! Но сейчас я правда не знаю, что делать, где денег взять? Ты, случайно, не...

– Дааааст! – заорал из соседней комнаты Антон, – и Мишаня бросился к нему.

– Ух ты! Вот это да! Вот это сфартило! Тогда я сегодня же все порешаю!

– Давай, Мишань, дело за тобой. Нам бы только до монтажа дорваться. Пока лет, надо успеть до учебы. Я тогда на Урал не полечу, – он взглянул на Яну, – Хотя... Надо же тебя, Ясь, со свекровью познакомить.

– О, со свекровью? – ревниво прищурился Мишаня, – то есть вы... Женитесь?

– Ну да! – Антон привлек ее к себе, заулыбался.

– Ну, вообще-то я еще не решила, – рассмеялась Яна, глядя на него счастливыми глазами.

– Ой, да лаадно, – Антон чмокнул ее в щеку, – не решила она!

– Эээ, я вам не мешаю? – чопорным голосом спросил Мишаня, он явно отвлекся от своей идеи фикс, – А то может мне выйти и оставить вас одних?

– Ладно, Мишань, мы пойдем пожалуй, а то еще сегодня с тещей знакомится, – Антон протянул ему руку.

– Ладно, ребята, рад был, прямо счастлив. Да что там «был», я и сейчас рад. Тоха, свидетелем-то я буду? Свадьба когда?

– Ты конечно. А насчет свадьбы мы еще и не говорили ни разу, да, Ясь?

– Да какая уж тут свадьба, у вас же долгов как шелков, как я понимаю.

– Да, – Но когда мы сказочно разбогатеем, а это стопудово, – развел руками Мишаня, – я мы такую свадьбищу отгрохаем! Огого! Весь поток в шампанском утопим!

– Ой, – рассмеялась Яна, – Мишань, я тебя умоляю, там же девяносто процентов таких ботаников, что хватит и одной бутылки шампанского на всех!

И они, распрощавшись, стали уже спускаться по лестнице, а Мишаня продолжал кричать в открытую дверь:

– А свидетельница кто? Она такая же красивая как ты?

– Это он тебе как бы комплимент сделал, – шепнул Тося Яне.

– Когда деньги возьмешь, позвони! – раздалось сверху, – Желательно прямо сегодня!

– Ладно! – крикнул Антон в гулкую глубину подъезда Антон, и они вышли на улицу, сразу оказавшись в привокзальной толпе.

Всю дорогу до Королева Антон рассказывал Яне об их с Мешаней проекте, так что доехали незаметно. От станции Подлипки до Яниного дома шли пешком мимо каких-то гаражей и унылых заводских заборов, перемежающихся застройкой шестидесятых годов. В маленьком магазинчике около проходной военного городка купили торт, кофе и букет цветов для Марины Ивановны. Пошли дальше вдоль территории НИИ. Антон крутил головой, ему было страшно интересно, где прошло Янино детство, где школа, в которой она училась и даже детский сад.

– А вот здесь мой отец здесь работал, – кивнула Яна на бетонное здания на территории научно-исследовательского института, – А вот, кстати ЦУП.

– Ничего себе, – Антон даже остановился, – То есть я знал, что он здесь, в Калининграде...

– В Королеве, нас в прошлом году переименовали.

– В Королеве. С ума сойти, хотел бы я посмотреть хоть одним глазком, как это все происходит. Представляешь, какая ответственность.

– А ведь еще совсем недавно и компьютеров не было, отец всю жизнь на логарифмической линейке считал.

– Я тоже умею, – улыбнулся Антон.

– Я тоже, ясен пень, как говорил папа.

– Эх, повезло же мне! Отхватил дочь самого Ленского! По-любому войду в историю.

– О, это амбиции?

– Не, это плохое слово, я в словаре смотрел. Но войти в историю... ммм... было бы неплохо, – они подошли к Янину дому.

Семья профессора Ленского жила в серой кирпичной хрущовке, в трехкомнатной, но очень тесной квартире на первом этаже. В подъезде вечно пахло сыростью из подвала, где вечно протекали трубы. Подъезд, давным-давно выкрашенный в трупно-серый цвет, изрядно пооблупился. Войдя в него, Антон обернулся к Яне с недоумением на лице. Они остановились перед дверью.

– Да, – сказала Яна, – папа был бессребреником, никогда ничего не просил, квартиру какую дали, такую и взял. Мама его за это ужасно пилила. Впрочем, не только за это и не только его. Вообще, пока не зашли, хочу сказать, что мама – человек... Непростой. Ты, пожалуйста, не реагируй. Даже если она будет говорить что-то неприятное обо мне, например. Или о папе. Или вообще о жизни, о людях, неважно. Хорошо?

– Ясенька, о чем речь? По-любому, это же твоя мама. Я буду ангелом, хотя, – он грозно сдвинул брови и страшно раздул ноздри, – ты знаешь, женщина, меня лучше не доводить! – Яна рассмеялась и нажала на кнопку звонка.

Мама открыла сразу. На ней было черное платье в огромных желтых цветах, волосы неопределенного цвета собраны в пучок, на губах ярко-красная помада. С тех пор, как Марина Ивановна уволилась с работы, привычка одеваться согласно этикету, принятому в среде товароведов и завхозов, у нее осталась, и с утра первым делом она наносила на лицо толстый слой грима и облачалась в любимые ей яркие платья. Антона поразило, насколько Яна на нее не похожа. Марина Ивановна была компактной, худощавой, с мелкими чертами лица, очень тонкими губами, изогнутыми в брезгливую линию. Она чуть сутулилась, от чего казалась еще ниже ростом. Яна же была настоящей скандинавкой – прямой нос, огромные голубые глаза, очень светлые, с темным ободком, светлые волосы, выгоравшие летом до платиновых, длинные ноги. Она была статной, яркой. Увидев ее один раз, невозможно было не узнать в следующий. «Должно быть, в отца» – подумал Антон, видевший только его черно-белые портреты в книгах.

Марина Ивановна бросила придиричивый взгляд на Антона снизу вверх, потом несколько натянуто улыбнулась:

– Ну проходите, – Яна подтолкнула Тосю вперед. Он с трудом поместился в крохотном коридорчике.

– Привет, мам!

– Янка, ну ты даешь, – охнула мать, невольно теснясь в сторону кухни, – Я думала, ты самая длинная в семье будешь, а ты вон какого великана себе нашла! – она кокетливо протянула Антону руку ладонью вниз, – Ну, раз Яна не торопится нас знакомить, то придется самой. Марина Ивановна. А Вы, стало быть, Антон.

Тося растерялся, схватил ее руку и стал трясти, одновременно пытаясь вручить Марине Ивановне букет. Прошли в так называемую гостиную. Присесть было решительно некуда. На диване громоздились завалы из маминых любимых журналов, каких-то коробок, одежды. Яна явно расстроилась.

– Мам, ты нас что, не ждала?

– Почему же? Ой, спасибо, не стоило, – Марина Ивановна взяла торт из Яниных рук, – А лекарство привезла?

– Ты же ничего не говорила.

– Говорила, вчера, когда ты звонила.

– Нет, мам, я бы купила!

– Что-то у тебя с памятью плохо. Не понимаю, как ты сессию сдала. Это, видимо, из-за роста. Говорят, у слишком высоких людей кровь до мозга плохо доходит, – и Марина Ивановна метнула проницательный взгляд на Тосю.

Яна вспыхнула, но Антон легонько сжал ее руку, и она промолчала.

– А пойдете пить чай, – как ни в чем не бывало пропела Марина Ивановна.

Спустя пять минут они уже сидели на крохотной кухне за столом, покрытом выцветшей клеенкой, Марина Ивановна в своем коронном месте на углу, Антон все никак не мог приладить свои ноги, а Яна грела на огне чайник со свистком. Пока мама допрашивала Антона с пристрастием, Яна успела быстро отмыть несколько тарелок, ложек и чашек, покрытых культурным слоем старой заварки, зная заранее, что мать в лучшем случае ополаскивала посуду водой. Всякий раз, навещая маму в течение последнего года, Яна старалась наводить порядок, всякий раз тратя по несколько часов на уборку. Но все равно было досадно, что несмотря на то, что Яна позвонила заранее и предупредила Марину Ивановну, что придет знакомить ее с Антоном, она и пальцем не пошевелила, чтобы придать квартире хоть сколь-нибудь товарный вид, и Яне было страшно неудобно перед Антоном. За беспорядок, за этот допрос, за то, что в доме нет ни одного портрета Николая Казимировича. После Яниного отъезда мама куда-то их убрала. На креслах громоздились кучи одежды, пианино покрывал толстый слой пыли и каких-то старых газет, в раковине громоздилась гора грязной посуды, которую Яна сейчас и перемывала. А мама продолжала допрос:

– И где вы жить планируете? – по ее царственному лицу и поджатым губам было видно, что она настроена критично.

– Пока в общежитии, потом снимать будем, потом купим квартиру, – Антон отвечал быстро и честно, со своим еле слышным уральским говорком. Он не стелился, не пресмыкался и не восхищался красотой и интеллектом Марины Ивановны, за что, как видела Яна, она сразу его невлюбила.

– Купим, – Марина Ивановна саркастически приподняла бровь, – А Вы, молодой человек, судя по выговору, иногородний?

– Мама, – бросилась на защиту Яна, – Молодой человек – гениальный физик, даже не просто талантливый, он...

– Ой, – перебила Марина Ивановна, – знала я одного гениального физика. И что? – она развела руками, – что мы видим?

– Мы видим дикий бардак, который ты здесь развела! – Яна заметно повысила голос, – с тех пор, как я уехала, ты хоть раз здесь убиралась, а? За год? – Антон, обернувшись скроил ей лицо типа «не надо».

– Яночка, – Марина Ивановна лучезарно ей улыбнулась, – Ты же знаешь, я не девка-Парашка полы драить. У меня масса других интересов в жизни, – она поправила пучок на затылке, и Антон отчетливо понял, что она нарочно провоцирует всех вокруг, что она питается их реакцией.

– Мама, – голос у Яны уже заметно дрожал, – ну зачем ты так? Антон так уважает отца, он все его работы читал, а ты... ты...

– А то я? – Яночка, я просто не хочу, чтобы ты повторяла мои ошибки. При советской власти еще можно было как-то пробиться в науку, обладая, конечно, определенными личными качествами. Знаешь, как некоторые крутились? Но надо было заводить полезные знакомства, не брезговать, как твой отец, всякими нужными связями, гости, цветы женам, подарки. Глядишь, и академиком бы стал. И жили бы мы в высотке на Краснопресненской. Но нет, он даже от квартиры в Москве отказался, отдал проныре Хлопину, потому что, видишь ли, ему нужнее. Так что извините, что я за вас беспокоюсь! – Она обиженно поджала губы.

– Не стоит беспокоиться, Марина Ивановна, – старательно избегая своего уральского говора, сказал Антон, – мы еще молодые, всего добьемся сами.

– А родители у Вас кто, Антон?

– Простые люди. Отец был агрономом, он умер, когда мне было три, мать воспитательница в детском саду. Живет в Ревде, недалеко от Екатеринбурга, в частном доме. Хозяйство у нее большое – коровы, свиньи, огород.

– То есть, Вы из... крестьян? Как же Вы умудрились в такой ВУЗ поступить?

– Мама, твои родители тоже «из крестьян». А Антон – гений, я же говорила, – Яна встала, уронив стул, Антон потянул ее за рукав, не надо, мол, поднял стул, она села, тяжело дыша.

– Ох, – вздохнула мать, качая головой, – Она у меня такая нервная, Вы видите?

– Никогда не замечал, – сухо сказал Антон.

Прообщавшись таким образом еще с полчаса, Яна незаметно пощипывать за ногу Антона, глазами выразительно указывая на дверь. На прощанье Марина Ивановна еще несколько раз напомнила Яне, какие ей привезти лекарства, а заодно уже в коридоре подробно, торопясь перечислила ей все свои диагнозы, причем все они были плодом ее воображения.

Наконец, вышли на улицу. После темной, сырой квартиры, город показался сказочно живым и прекрасным. Хотелось скорее домой, в общагу. Антон знакомство с мамой не комментировал, а Яна и не спрашивала. Только в электричке, видя, что Яна все же расстроена, Тося сказал:

– Ясь, ну что ты, в самом деле? Ты считаешь, что я, даже теоретически, могу запариться из-за твоей мамы? Просто, наверное, где-то в параллельном мире она – королева, а здесь никто этого не понимает, – улыбнулся Тося.

– А может где-то в параллельном мире она поступила вовсе не в Пищевой институт, а в Театральный. И сейчас она великая актриса, снимается у Бондарчука, ездит по миру, у нее машина с шофером и домработница. А муж – миллионер. – Яна положила голову ему на плечо и смотрела в окно, за которым уже проплывали Сокольники, – Может быть поэтому всю жизнь внушала мне, что я глупа, некрасива и бездарна? Звезда может быть только одна. И это она, разумеется. И вот теперь я поверить не могу, что ты... Что мы вместе, и ты меня любишь. То есть нет, могу, – спохватилась она, – и верю, и знаю, что мы всегда-всегда будем вместе, но это как... страшно даже, что все так прекрасно! Я боюсь, что не заслужила... – Тося развернул ее к себе и поцеловал.

– Ясная, если бы мужем твоей мам был бы не твой отец, то тебя бы не было, а такого не могло произойти ни в одном из Эвереттовских миров. В любом бесконечном множестве пространств и времен ты существуешь. И я. Знаешь почему? Потому что именно и только наше сознание способно распознать их существование.

– Распознать признаки того, что Эвереттовские миры существуют, но не осознать. Знаешь, Борхес писал, что если бы нам однажды показали всё бытие, мы были бы раздавлены и уничтожены. Мы бы все мгновенно погибли. Потому что в бесконечных мирах не существует времени, а время – дар вечности. Оно позволяет нам жить в последовательности, потому что мы не вынесли бы страшной тяжести совокупного бытия вселенной.

– Жаль, у меня нет времени читать художественную литературу, – улыбнулся Антон, – Борхес – это ведь писатель, да? Кто знает, малыш, прав ли твой Борхес? Я, например, собираюсь рискнуть. Если у нас с Мишаней получится, и мы сможем послать пучок со спутанными спинами одновременно на две мишени, то может, получим какую-то ответку.

– Но как вы собираетесь делать это в подвале?

– Да, это стремно. Охлаждение, аварийный выход для пучка... Не хотелось бы подорвать весь район.

– Да что там район? Всю Москву.

– Да что там Москву? Всю Россию! Но мы же не собираемся разгонять их до скорости света, тут главное не это, а то, что никто пока не пытался направить одну пару на две мишени, понимаешь, при передачи на одно приемное устройство, срабатывает другое, то если направить на оба, то может пройти обратка с той стороны, если Эверетт прав, то... – и он снова пустился

в свои бесконечные квантовые дебри, и Яна продиралась туда вслед за ним, и Королевский морок подернулся дымкой и отступил. И Яну захлестнуло волной нежности и благодарности к Тосе, уже вовсю размахивающему руками и рисующему на грязном стекле электрички какие-то схемы, с такой силой, что на глазах выступили слезы. Она не сводила с него глаз и слушала, одновременно ощущая мерный пульс счастья внутри.

5

Яна вышла из ванной, на ходу накидывая белый халат и, вытирая короткие теперь волосы полотенцем, подошла к окну. Солнце уже успело скрыться за домом, на подъездной дорожке пролегли косые тени от кедров. По газону ездил на райдере Андрей, кто-то из садовников пересаживал бордюрные розы, тайка Ваан мыла из шланга парковочную площадку перед гаражом. В дверь деликатно постучали. «Догадайся, кто», – мрачно подумала Яна и, не оборачиваясь, крикнула, «Войдите»!

– Яна Николаевна, – кашлянув для приличия сказала Нина у нее за спиной, – Опять Марина Ивановна звонила. Я сказала, что Вы заняты. Но, полагаю, она Вам на сотовый перезвонит. Хотите, я отвечу?

– Нет, спасибо. Я сама.

– Что-нибудь желаете? Кофе? Сок?

– Нет.

Нина постояла еще немного словно собиралась еще что-то сказать, потом бесшумно вышла. И в ту же секунду Янин мобильник запел «All of my love». Яна подошла к столу. Да, это была мама. На экране высветилась ее фотография: огромная белая шляпа, темные очки, красная помада на тонких губах. Яна провела пальцем по стрелке «Ответить».

– Алло, мам, привет.

– Яночка, да что ж такое? С утра не могу тебе дозвониться! Почему ты трубку не берешь? Что значит «занята»? А вдруг мне плохо? Вдруг...

– Мам, – попыталась перебить Яна, – на самом деле я...

– Вдруг я умираю? Ты знаешь сколько мне лет? У меня, между прочим, деньги кончились. А кардиолог сказал, что надо ехать в санаторий. На Баден-Баден я у тебя, конечно не прошу, но в Израиль мне просто необходимо. Скажи Олеже, что мне срочно нужно хотя бы тысяч десять.

– Мама, я ни о чем его просить не буду, ты...

– Яна, – голос у Марины Ивановны театрально дрогнул, – Я твоя мать. Я тебя родила, а ты не хочешь мне помочь?

– Мама, позвони ему сама, вы же так дружите.

– А ты что же, не дружишь с собственным мужем?

– Долго объяснять.

– Ничего, я не спешу.

– А я спешу – Яна поймала себя на том, что совсем не заводится. Тон у нее оставался спокойным и это, видимо, вызывало раздражение в ее матери.

– Куда это, интересно узнать, ты так спешишь, что и минуты с матерью поговорить некогда?

«Я собираюсь повеситься через примерно через час,» – подумала Яна, но вслух сказала:

– Мне надо собраться и срочно выезжать в Тринити, меня ждет Олег.

– Ааааа, – слово «Олег» вызывало у Марины Ивановны большое уважение, – Ну тогда собирайся. Но все же о деньгах поговори, мне срочно надо, – и она не попрощавшись отключилась.

Яна взглянула на экран и уже хотела провести по нему пальцем, чтобы заблокировать, как тут же увидела новую цифру «один» над иконкой сообщений. Яна прикоснулась к ней. «ЯСНАЯ, МАЛЫШ, ЭТО Я. ПОЛУЧИЛОСЬ. ДЕРЖИСЬ, Я ТЕБЯ ВЫТАЩУ.» Рука задрожала. Яна на негнущихся ногах подошла к кровати. Села. «Ясная»? Так звал ее только один человек, и она никому, ни одной живой душе об этом никогда не говорила. Это было одно из их очень личных слов, никогда не произносимых на людях. Сердце бешено заколотилось. Заму-

тило. Яна осторожно положила телефон рядом. «Что это, – спотыкались мысли в ее голове, – Олег что-то пронюхал? Откуда он мог знать? Никто! Вспоминай! Может, я от таблеток уже ничего не соображаю? Боже мой! А ведь никто не видел его тела! Неужели?!»

И тут телефон снова звякнул, Яна тут же схватила его и прочитала «СВЯЗЬ ОДНОСТОРОННЯЯ. ЭТИ СООБЩЕНИЯ НЕ СОХРАНЯЮТСЯ В ПАМЯТИ УСТРОЙСТВА. ОН НЕ УЗНАЕТ. СЛЕДУЙ МОИМ ИНСТРУКЦИЯМ ПОШАГОВО. Я ВЫВЕДУ ТЕБЯ. ВЕРЬ МНЕ, ЯСНАЯ. ДО УТРА ЖИВИ КАК ОБЫЧНО, НЕ ВЫЗЫВАЙ ПОДОЗРЕНИЙ. УТРОМ Я С ТОБОЙ СВЯЖУСЬ. ПИСАТЬ БУДУ КОРОТКО, ТАК НАДО. ДЕРЖИСЬ, ЯСНАЯ! ПРОРВЕМСЯ! ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ ЭТО СООБЩЕНИЕ ИСЧЕЗНЕТ И НИКТО ЕГО НЕ ОТСЛЕДИТ. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! ТОСЯ.»

– Господи, – прошептала Яна замороженными губами, – Не смотря на абсурдность происходящего, сквозь шок пробивалась уверенность, что и вправду он, Тося. «Вот оно, – рвано думала Яна, – Это галлюцинации. Шизофрения? Не мудрено, после такого количества таблеток, выпитых за последнее время.»

Но тот факт, что ей вообще вспомнилось слово «шизофрения», говорил как раз о том, что нет, это не так. Последние годы Яна читала много литературы по психологии. «Так, хорошо. Проверить, видит ли, например, Нина это сообщение, я не могу. Значит, предположим, что это и вправду Тося. Случилось чудо, к которому нельзя подготовиться. Невероятно! Но тогда... Боже, тогда ее предательство преумножилась в миллион раз! Если с ним случилось что-то страшное, до такой степени, что он не мог выйти на связь, не мог дать о себе знать, если его похитили, держали взаперти долгие годы, его интеллект и знания дорогого стоят, а она... она... Она не должна была терять надежду! Никогда! О, как ее подвела интуиция! Почему, почему она поверила, что он мертв? Что теперь делать?»

Яна взяла телефон трясушейся рукой. Несмотря на шок, она ни на секунду не забывала о слежке. Со стороны ничего не должно быть заметно. Яна открыла сообщения. Первого уже не было. Оно бесследно исчезло. Если бы охрана, а это входило в их обязанности, зафиксировала смс, пришедшее на Янин мобильный от ее бывшего мужа, они бы немедленно позвонили Олегу, а он ей. Уже давно позвонил бы. Может, это его садистские шутки? Нет, вряд ли. Во-первых, только Тося называл ее Ясной, причем строго наедине, во-вторых, она каким-то невероятным участком сердца, сознания или души точно знала, что сообщение от Антона. Это были его слова, его эмоции, его тепло. «Так, соберись, тряпка, – сказала себе Яна, – Выровняй дыхание. Вот так. Раз-два-три-четыре... Похоже, на сегодня суицид отменяется. Вот так: вдох-выдох. Яна снова взглянула на экран телефона. Сообщений уже не было.

Яна встала. Оказалось, что жутко болит голова. Немного мутило. Она прошла по спальне, пытаясь собраться с мыслями. «Значит так, – думала она, – В любом случае лучшая тактика – выждать. Надо тянуть время. Если это Олеговы штучки, то план А все еще в силе. Веревка в дупле. Если по его поведению я пойму, что это не он, то в самом деле есть надежда. Боюсь поверить, но вдруг? Тогда я просто дождусь завтрашнего дня, дождусь указаний и буду следовать им, куда бы меня это не привело. Хуже все равно не будет. Вдруг случилось чудо? Боже, как страшно опять начать надеяться! Но если есть хоть один шанс из миллиона... Господи, пусть так и будет! Олег не должен ничего заподозрить. Как там было? Не вызывать подозрений, жить как обычно. Хорошо, это я могу». И Яна решительно подошла к переговорному устройству, нажав кнопку, сказала:

– Виктор Николаевич, пришлите ко мне, пожалуйста, Нину.

И Яна заметалась по комнате. На ходу сняла халат, чуть не упала, запутавшись в нем, в гардеробной стянула с вешалки первое попавшееся платье, мельком взглянула в зеркало, поняла, что выглядит дико. Волосы дыбом, лицо пошло красными пятнами, руки трясутся. «Надо срочно успокоиться», – сказала себе Яна, остановившись и прижав руку к груди. Закрыла глаза и попыталась выровнять пульс. Как после бега. Задышала ровно. Вроде, начало

получаться. «Господи, – думала Яна, – если ты дал мне надежду, а потом снова отнимешь ее, я этого точно не переживу. Но я уже смирилась с самым худшим, Господи. Я дошла до того предела, где не страшно. Прости меня за это». Сердце немного успокоилось, дыхание стало ровнее. «Так. Хорошо». Яна открыла глаза. Взгляд уже менее безумный.

В дверь постучали.

– Войдите, – крикнула Яна, выглядывая из гардеробной. Нина с любопытством выворачивала голову, пытаясь, видимо, завернуть взгляд за угол.

– Нина, позвони Олегу, скажи, что приеду в Тринити к четверем. Может, немного опоздаю. Пусть машину подадут через пятнадцать минут.

– Хорошо, Яна Николаевна, подозрительно поглядывая на хозяйку, сказала Нина, – с Вами все в порядке?

– А почему ты спрашиваешь? – Яна выглянула из-за двери уже в красном платье.

– Мне просто показалось...

– Креститься надо, – оборвала ее Яна, и подумала: " Ну конечно, у меня голос не такой мертвый, как обычно. Хозяйка почему-то никак не дохнет. Это раздражает. Да, Ниночка?"

Через пятнадцать минут Яна действительно сидела в машине и выглядела вполне достойно: красное платье чуть выше колен, туфли на среднем каблучке, осветленный ежик волос топорщится вполне стильно, красная помада. «Ягуар» тронулся в сторону ворот, и Яна передвинулась на заднем сидении так, чтобы водитель не видел ее в зеркало заднего вида. За окном тянулся огромный ландшафтный парк, так искусно притворяющийся настоящей живой природой, что Яна сама порой забывала, что это не так. Выехав с территории, машина двинулась по серпантину на восток, в сторону Тринити. Яна неотрывно смотрела в окно, а в голове у нее бешено прокручивались разные варианты развития прошлых и будущих событий. Бывали моменты, когда она думала, что Олег мог быть причастен к исчезновению Антона. Теоретически он был способен на это. Возможно и то, что Антон исчез по воле неких правительственных структур, ведь та область, в которой они с Мишаней работали, очень даже падала под гриф «Совершенно секретно», и кто знает, не случилось ли утечки. Мишаня мог что-то знать, но, опять же, он был так потрясен и раздавлен, что только великий актер мог такое сыграть. Все это Яна передумала миллион раз. Могло случиться все, что угодно, именно это и сводило ее с ума, но до сегодняшнего дня в глубине души она знала, что Антона нет в живых. Она это чувствовала. А сегодня... Сегодня это фатальное чувство вдруг резко сменило полярность. Сейчас Яна была практически уверена, что Антон жив и прислал ей весточку. «Да, он жив, я знаю!» – повторяла Яна про себя всю дорогу до города. За окном плыл океан. Дорога то приближалась к нему, то уходила в холмы. Вот в низине показался Тринити. Город – это громко сказано, скорее большая рыбацкая деревня. Простые яркие деревянные дома, похожие, скорее, на огромные избы. Церковь, в заливе причалы с лодками. Когда Ягуар припарковался около самого приличного в Тринити ресторана, Яна очнулась от транса. Она рассеянно взглянула на себя в зеркальце, водитель открыл ей дверь и подал руку, Яна вышла из машины и направилась ко входу, по дороге обратив внимание на то, что машина Олега уже здесь. Внутри «Твайн Лофт» тоже походил на избу. Деревянные стены, простые столы. Сюда приходили местные рыбаки с женами, полицейские, хозяева лодок и отелей. Хозяева знали каждого, обязательно перекидывались с посетителями хоть парой слов. Сейчас ресторан был пуст – сезон отпусков еще не начался, посторонних в Тринити почти не было. Яна который раз подумала, что выглядит слишком пафосно в своем красном платье, но Олег всегда настаивал на том, чтобы держать марку, и всюду, как правило неуместно, давал понять всем и каждому, что он богат и влиятелен. Яна прошла через зал, кивнув хозяину мистеру Паркеру, протиравшему бокалы за барной стойкой. Стол был сервирован в углу, как обычно, но мужа Яна увидела на террасе. Он сидел в шезлонге, развязав галстук и подставив лицо холодному северному солнцу. Яна постучала пальцем по стеклу, он обернулся, вскинул брови и, тяжело поднявшись, направился в зал.

– Не думал, что ты приедешь, – сказал он, входя.

– А почему нет? Дай, думаю, прокачусь, хоть развеюсь.

Яна присела к столу. Кондиционеры не работали, лето, как всегда, в Ньюфаундленде, было прохладным. Солнце прогревало зал, ветер с океана легко шевелил белые льняные шторы. Чуть слышно звучал какой-то грустный блюз. Яна откинулась в кресле. Она не смотрела на мужа, взгляд ее замер там, где небо плавно переходило в океан, подернутый сегодня тонкой дымкой.

– Что-то опять случилось? – спросил Олег, выделив слово «опять», как будто Яна только и делала, что попадала в переделки. Она перевела на него взгляд, и увидела с такой внезапной четкостью, будто только что надела очки. Олег сидел, развалившись в кресле, словно пытался отвоевать у мира максимально большое личное пространство. Пиджак он снял, и было видно, как отъезое за последние годы брюшко нависает над штанами. На его лице – правильном и, наверное, даже вполне породистом, выделялись странно светлые, почти белые глаза. Смотрел он всегда прямо, в упор. И от этого «белого», как называла его Яна, взгляда людям становилось не по себе. В общественных местах Олег старался не стоять рядом с женой, чтобы не была видна разница в росте. Он был ей по плечо – коренастый, крепко сбитый «мужичок», и это впечатление не получалось исправить ни брендовой одеждой, ни властным выражением лица. Здесь, на острове он не завел ни одного приятеля, здоровался с людьми только в крайних случаях, ограничив свой круг общения прислужгой и охраной, привезенными из России. Но дома, в перерывах между перелетами, ему не было скучно, он развлекался тем, что планомерно изводил жену.

– А должно что-то случиться, чтобы приехать обедать в ресторан? – Яна кивнула мистеру Паркеру, чтобы тот прислал официанта, – Ты уже сделал заказ?

– Да, треску с папоротником, чего и тебе желаю.

Подошел официант, приятный парень, сын хозяина Сэм, улыбнулся Яне:

– Good evening, Mrs. Vaicehovsky. Nice to see you!

– Hallo, Sam. How are you?

– Fine, especially when you come, thank you. What will you order?

– Треску бери, – перебил Олег.

– Tourtière, please, – улыбнулась Яна.

– Can I offer you some white wine?

– No, thank you, no any alcohol. Just still water, please.

– Just a moment, – и он пошел на кухню.

– Даже меню не принес, – сказал Олег ему вслед.

– Зачем? Я его наизусть знаю. И ты. И все на этом острове.

– Наверное, ты хотела сказать» на этом проклятом острове». С каких пор тебе здесь так сильно не нравится?

– Ты знаешь, – Яна перевела взгляд на океан.

– Нет, – в голосе Олега послышались саркастические нотки, – Я понятия не имею, какого черта еще надо моей жене, у которой есть восемь домов: на Рублевке, в Ницце, во Флориде, здесь, в Канаде, в конце концов, потому что моя жена любит покой, лес и северную природу, видишь ли. Если «этот остров» тебе надоел, может быть ты хочешь, чтобы я купил другой? Хочешь, например, Мадагаскар? Местных выселим, будешь гулять одна, – он помолчал, – или с собакой?

Яна дернулась, но не ответила. «Спокойно, – сказала она себе, – Не реагируй. У него не получится тебя спровоцировать. Помни, о чем сказано в послании. Веди себя как обычно, а обычно ты молчишь». Яна перевела взгляд на Олега.

– Я не говорила «проклятый». Мне здесь нравится.

– Ну конечно, – Олег отпил глоток виски, – И кухня отличная, да? Пирог с мясом! Простенько, как в деревне у бабушки. У тебя вообще вкусы незатейливые, да, Янок?

– Я сейчас вернусь, – Яна встала и направилась в дамскую комнату. Закрыв за собой дверь, она подошла к большому зеркалу и, облокотившись о столешницу, посмотрела себе в глаза, и застыла не мигая, пока изображение в зеркале не начало туманиться и расплываться. Тогда Яна тряхнула головой, тщательно вымыла руки, провела влажной рукой по ежику волос. Сказала себе: «Яна, ты держишься молодцом. Пусть он думает, что ты сломалась и смирилась», выровняла дыхание и вышла в зал.

Оказалось, что за окнами заметно потемнело. Надвигалась гроза. Ветер раздувал шторы, официанты закрывали окна. На столе стояла запотевшая бутылка минеральной воды, и высокий бокал, рядом стоял Сэм.

– Thanks, I'll poul it myself, – улыбнулась ему Яна.

– Ok, Ma'am, – развел руками Сэм и отошел, а Яна, присев за стол, налила себе воды и отпила глоток.

– Так о чем мы говорили? – продолжая улыбаться спросила Яна у Олега.

– Я успел забыть, – отмахнулся тот, – Пока тебя не было, мне позвонили из Московского офиса, у них там опять проблемы. А завтра я лечу в Лондон.

– Надолго? – как можно безразличнее спросила Яна.

– А что?

– Просто спросила.

– Ты сегодня какая-то странная, – Олег прищурился, глядя ей в глаза, – Ты же знаешь, я сделал свое состояние не только благодаря интеллекту и таланту, но еще и благодаря интуиции, чуйке! А сейчас мне кажется, что с тобой... что-то не так.

Яна молчала, следя за тем, что не дрогнул и один мускул на лице, смотрела ему между глаз, куда так отлично было бы всадить пару пуль.

– Не понимаю, о чем ты, – сказала она максимально нейтральным тоном.

Тут шеф принес Олегу рыбу, долго ее нахваливал, улыбался то ему, то Яне.

– Thanks, Ted. I'll appreciate, – отмахнулся от него Олег, взял вилку и нож для рыбы, – Хочешь попробовать?

– Я не люблю рыбу, ты знаешь.

– Не понимаю, зачем мы сюда приперлись. Здесь кругом рыба, все ей пропахло.

– Ты вроде сам меня пригласил.

– Нет, я имею в виду Ньюфаундленд вообще, – Он отпил еще виски, – О чем я говорил? А! О том, что ты сегодня странная. Таблетки пила? Смотри, я проверю.

– Не сомневаюсь. Просмотришь все записи со всех камер.

– А как же, – Ел он с аппетитом, – Я должен знать, чем занимается моя жена. Она же МОЯ. Ну, а поскольку, чуйка подсказывает мне, что с тобой что-то не так, попрошу Игорька особо за тобой приглядывать в мое отсутствие.

– Как скажешь, – Яна изо всех сил пыталась понять, не имеет ли этот человек какого-то отношения к посланиям, не очередная ли эта его извращенная шутка? Но чем больше она находилась с ним рядом, тем больше убеждалась – нет. Это не он. Точно, – Уверена, твой Игорек глаз с меня не спустит.

– Вот! – Олег тыкнул в ее сторону вилкой, – Это правильный ответ. Единственно правильный.

Сэм принес Янин пирог и три соуса к нему на отдельной тарелке.

– Bon appetit, – улыбнулся он Яне.

– Thank you, Sam.

– А не слишком ли энергично этот сопляк тебе улыбается, – проводив Сэма неприязненным взглядом, спросил Олег.

– Ну, ты можешь спросить у него, – Яна отрезала кусочек пирога, полила его сливовым соусом. Есть не хотелось совсем.

– Могу, но я спросил у тебя, – взгляд у Олега стал совсем белым.

– Я думаю, он старается быть вежливым с посетителями.

– С посетительницами.

– Возможно.

– Может, ты его на эту вежливость как-то провоцируешь?

– Нет. Я его никак не провоцировала.

– Меньше спеси, – почти прошипел Олег, нагнувшись к ней через стол, – мы же об этом много говорили, – Меньше спеси, больше смирения! Ты меня понимаешь?

– Да, Олег.

– Не слышу!

– Да, Олег, – почти крикнула Яна. Мистер Паркер обернулся в их сторону. Олег тут же кивнул ему и улыбнулся.

– Вот и хорошо, – он резко сменил тон, получив свою порцию Яниного унижения, пусть и мизерную, не то, что обычно.

Зазвонил мобильный. Олег отложил прибору, ответил на звонок:

– Да, Игорь. Угу. Ну хорошо. Завтра пошли Макса. Нет, тебя не отпускаю, я завтра улетаю на три дня. Хорошо. Давай.

«Ага, – прикидывала Яна, если бы Игорь засек сообщения – он бы сказал. Это раз. Во-вторых, улетаю он на целых три дня. Это очень хорошо».

– Мать твоя звонила, – сказал Олег, положив трубку, – денег просила на Израиль или что там. Говорит, ты совсем не интересуешься ее здоровьем.

– Интересуюсь.

– А она говорит – нет.

– Хорошо, я буду больше с ней общаться, – Яне пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы голос не дрогнул.

– Да уж, будь добра. Все же мать. Стариков надо уважать не смотря ни на что, мы же об этом много говорили. Я не хочу слушать ее стенаний. Деньги уже перевел.

– Спасибо, Олег, – «Перегнуться бы сейчас через стол и всадить бы тебе вилку в глаз, сука» – привычно подумала Яна и улыбнулась.

– Послезавтра прилетишь ко мне в Лондон. Шестого в Челси пати у Донбасса, надо быть с женой.

Яна обомлела. Сегодня первое августа. Третьего надо быть в Лондоне у этого уголовника на вонючем пафосном приеме? То есть у нее всего полтора дня. Успеет ли Антон вытащить ее отсюда за это время? Как?! Господи, а вдруг посланий вообще больше не будет? Вдруг интуиция ее опять подвела? Ведь почему она поверила? Потому что почувствовала, что слова его, и потому что «Ясная», – она бросила взгляд на клатч, в котором лежал мобильник, – «Не, Ясная, не паникуй. Все так и есть, случилось чудо. Антон рядом, он каким-то образом знает, что ты в беде, следит за всем, что происходит вокруг тебя, и поможет тебе. Доверься ему, все равно терять нечего. У тебя все еще есть план «Б».

Олег перехватил ее взгляд, задержавшийся на клатче всего на секунду.

– Что у тебя там?

– Где? – не сразу поняла Яна.

– В Караганде! – рявкнул Олег, – В сумке!

– Ничего.

– Дай сюда, – он подтянул к себе сумочку, открыл, – Так, помада, карты, пудра, телефон. Ага, телефон. Кто-то звонил? Писал? Игорек что-то пропустил? – он разблокировал экран и теперь быстро рыскал по приложениям. Хотя Яна и знала, что он ничего не найдет, но рефлекс

торно внутренне подтянулась, – Вроде ничего, но я проверю, – он швырнул телефон через стол. «Только б не сломал», – взмолилась Яна. Мельком взглянул на экран. Ничего. Цел. Хорошо.

– Ладно, – откинувшись в кресло и вытянув под столом ноги, процедил Олег. Подумал, сунул в рот зубочистку, – Я кофе не буду, мне пора в офис. Ты пей. Завтра пришло к тебе стилиста, подберет тебе имидж для приема, шмотки и все такое. Не вздумай отбиваться. У Донбасса крайне важный тусняк намечается. Должна выглядеть на все сто. И улыбаться, поняла?

– Да, Олег.

– Вот и славненько. Я пошел, – он поднялся и, не оборачиваясь пошел к выходу, – Рассчитайся, – кинул он ей через плечо.

Яна смотрела, как он идет к машине, и ее рука со стаканом воды тонко звенела льдинками. «Пусть у него откажут тормоза, боги мои», – думала она, пока Олег сдавал назад и выезжал со стоянки. Подошел Сэм, улыбаясь чуть смущенно. По-русски он, конечно, не понимал, но Яне сочувствовал. «У меня опрокинутое лицо,» – подумала Яна и улыбнулась ему как могла открыто.

– The check, please, – попросила Яна и, не дожидаясь счета, сразу протянула Сэму кредитку.

Домой жутко не хотелось. Но придумать никакого предлога поехать куда-нибудь еще Яна не смогла, ее мысли были заняты другим. Поэтому она покорно села на заднее сиденье Ягуара и кивнула водителю, чтобы трогался. С залива налетали порывы ветра, начинало штормить, видно было, как над океаном черные тучи прорываются косыми дождями. Яна смотрела в окно и думала:

«Так. Я позволю себе предположить, что Антон жив. Сколько лет я пыталась смириться с тем, что это не так. Но раны не заживают. Если еще разок ковырнуть, я точно не смогу выжить. Но теперь у меня есть точный срок, – думала Яна, – Это даже хорошо. По крайней мере я точно знаю, что через полтора дня моя гребаная жизнь наконец изменится. И уже неважно, в какую сторону. Меня устроит любой вариант. Кошмар по-любому закончится. Либо смертью, либо счастьем, тьфу-тьфу-тьфу!» И всю дорогу, сидя в слепой для водителя зоне, она беззвучно шевелила губами, глядя в окно, то молясь, то улыбаясь, то по щеке ее текла слеза, то глаза расширились от безумной надежды. Но когда машина остановилась на подъездной дорожке у дома, лицо у Яны было безупречно спокойным. Каменным. Мертвым, как всегда.

Весь вечер Яна провела в своей комнате. У Олега тоже была своя спальня, но периодически он приходил ночевать к ней, и Яна очень надеялась, что сегодня этого не произойдет. Она изо всех сил старалась не смотреть на телефон и делала вид, что читает. В десять вечера выключила свет и лежала в темноте, прислушиваясь к дальнему шторму и ветру в лесах. Олега все еще не было. Последнее время он допоздна задерживался в своем островном офисе, потому что его планы по продвижению во властные структуры требовали постоянных консультаций с рабочей группой. Сегодня не стоило ждать новых сообщений, надо было выспаться. Но в Яниной голове по-прежнему проигрывалась знакомая пластинка, без начала и конца воспроизводя запиленные до тошноты воспоминания, к которым теперь прибавилось еще и одно неизвестное, как говорил Тося. Очень хотелось как-то отключиться, но Яна твердо решила держать разум в чистоте, и не выпила на ночь привычного снотворного. Ветер усиливался. Снова начался дождь. Он косо бил по стеклам, и стало так шумно, что пластинка в голове звучала все тише и тише, и Яна не заметила, как уснула, часто вздрагивая во сне. Она не слышала, как около часа ночи подъехала машина, как Олег довольно громко разговаривал с начальником охраны Игорем на первом этаже, требуя быстрого отчета о Яне, включая все ее действия в интернете, звонки и письма. Не услышав ничего интересного, заглянул к ней в комнату и пошел спать к себе.

6

Осень наступила рано, весь сентябрь шли дожди, потом сразу начались заморозки. Яна с Антоном так и выбрались на Урал, в Ревду. А Яна так мечтала побывать на Урале. Ее отец работал там несколько лет и, не смотря на количество работы, в которую он всегда был погружен с головой, находил время поездить по тем местам, где, судя по семейным легендам, жили его предки по материнской линии. Были они золотодобытчиками из числа староверов, и Яна так живо представляла себе Уральские горы, озера, леса. Но поездку пришлось отложить. Предположительно, на весну.

Антон, правда, часто звонил маме и Яна подолгу разговаривала с ней по телефону и, если удавалось накопить, они высылали ей немного денег. Яна отчетливо представляла себе эту тихую женщину, словно была с ней знакома. В конце ноября Яна с Антоном поженились. Просто сходили в ЗАГС и поставили в паспорта штампы. Колец не покупали, свадьбу не устраивали – было некогда и не на что, но вечером встретились с Мишаней и Дашкой на Кузнецком мосту, посидели в кафе, выпили шампанского. Спать почти не получалось. По утрам они разъезжались по институтам, возвращались около восьми вечера, а потом до глубокой ночи писали свои дипломы. Причем Антону было гораздо сложнее, и ВУЗ посерьезнее, и проект, над которым они с Мишаней работали в подвале по ночам, отнимал последние часы от сна. Но тем более они с Яной рвались друг к другу каждую свободную минуту, скучали, созванивались, торопясь рассказывать, что происходит по нескольку раз в день. В разгар зимней сессии Тося сообщил, что наконец приезжает его мама, видимо утратив надежду дожидаться сына с женой в Ревде.

И вот экзамены были сданы, мама действительно приехала, и оказалось совершенно такой же, как ее представляла Яна. Звали ее Марья Семеновна и была она маленькой славной женщиной с улыбочивым лицом. Марья Семеновна стеснялась Москвы, боялась метро, зато варила на плитке отличный суп из сушеных грибов, которых привезла с собой в холщевом мешке впрок на пару лет. Новый год встретили вместе, нарубили салатов, Яна «блеснула» своей фирменной селедкой под шубой. Потом Марья Семеновна заторопилась домой, потому что хозяйство было поручено соседке, а та могла в любой момент уйти в запой. На вокзале она обнимала Яну и просила присматривать за Антоном, а особенно – варить ему супы. Яна обещала.

Остаток каникул Антон надеялся провести в подвале, то есть, в лаборатории, как он говорил. И умолял Яну поприсутствовать, потому что когда начнется семестр, времени опять будет не хватать. В результате, в подвал переехали все втроем. Мишаня ворчал, что приходится спать на полу, что диван, честно привезенный им из дома теперь захвачен врагом, но когда по утрам Яна жарила им с Антоном яичницу на электрической плитке, резко добрел и пукался в рассуждения, что от баб тоже есть определенный толк. В подвале гнусно пахло плесенью, но Антон соорудил принудительную вентиляцию, и стало полегче. Яна как могла обустроила жилую зону, а что происходила в рабочей, понимала только в общих чертах. За два дня до начала семестра Яна, вернувшись из магазина с пакетом продуктов, обнаружила Антона с Мишаней скачущих в обнимку посреди лаборатории и, не успев понять, что случилось, тоже заулыбалась, слушая их дикие восторженные крики.

– Яся! Получилось! – заорал Антон, увидев ее.

– Ааааа! – кричал Мишаня.

– Что? Что? – смеясь и ничего не понимая спрашивала Яна, озираясь.

– Смотри! – Антон схватил ее за руку и потянул к столу, на котором огромной лентой извивалась огромная распечатка с данными последнего эксперимента.

– Вот! – тыкал Антон пальцем в последние строчки, – Вот! Сигнал прошел! Ты не поверишь!

– Я не понимаю! – пыталась докричаться до них Яна.

– Мы запустили в мишень вместе с пучком кодированный сигнал, и зафиксировали его на второй мишени!

– Да! Да! – кричал Мишаня, – И что-то изменилось в кодировке!

– Как? Может ошибка? – испугался Тося.

– Да неважно, главное – есть контакт! Антон, ты гений! – верещал Мишаня, срываясь на фальцет.

– Поздравляю! – Яна была безумно рада за Антона, – Вы такие молодцы! Я правда все равно не очень понимаю, но вы же мне потом все объясните, да?

– Ухххх, – Антон немного задохнулся, – В самом деле, хорош, Мишань. Перекур!

– Заслужили! – Мишаня сиял, как медный пятак, – Это надо обмыть!

– А давай!

Пока Мишаня бегал за вином, Антон кружил Яну по комнате, сбивчиво рассказывал о том потрясающем прорыве в квантовой физике, который они только что сделали, строил планы на будущее, говорил, что теперь уж наверняка они раздобудут нормальное финансирование, а это значит – больше возможностей, это значит – они изменят мир, фантастические идеи сыпались из него одна за другой. Яна была так счастлива, это был самый яркий день в ее жизни. Она чувствовала, что присутствует при чем-то столь значимом, что теперь может смело сказать, что не зря живет. Что даже просто быть рядом с таким человеком, как Антон – это огромное счастье и большая честь.

Потом вернулся Мишаня, и они пили вино до поздней ночи, и рассказывали Яне невероятные истории, стараясь говорить на понятном ей языке, из которых следовало, что параллельные или какие-то другие миры точно реально существуют, что сегодня они практически доказали это, и Яна представляла себе, какие они. А вдруг там кто-то прямо сейчас тоже посылает им сигнал и, получив ответ, прыгает обнявшись, крича «Ура»? Изрядно перебравший Мишаня всё пытался объяснить Яне, за какого великого ученого она вышла замуж. Пьяно обнимался с Тосей и уверял, что сам никогда бы в жизни не допетрил до такого открытия, и что это Тосина заслуга.

Весной жизнь постепенно вошла в прежнее русло. Чтобы продвигаться дальше, нужно было действительно выбирать из подвала, закупать дорогое оборудование, нанимать сотрудников, получать лицензии, и вообще как-то легализовываться. Тося слегка приуныл. Мишаня был прав: Тося был ученым, а не администратором. К тому же вложить деньги в работу студентов никто особо не стремился. Институтская профессура, по мнению Яны, излишне ревниво отнеслась к Антоновским открытиям, критиковала его всячески, не доверяла результатам. С большим трудом удалось пробить публикацию в издании Академии Наук, но с кучей оговорок на предмет «непроверенной информации». Мишаня психовал. Во-первых потому, что был уверен, что их тормозят по каким-то политическим причинам, а во-вторых, потому что открытие в научном мире считалось именно Тосиным. Часто они с Антоном подолгу засиживались то в лаборатории, то в общаге строя планы, и тогда Яна думала: «Эх, был бы жив папа... Он бы помог.»

Диплом Тося дописал за месяц до защиты, а Яна еле уложилась в срок со своим «Озеленением цента Астрахани». Защитились они почти одновременно на пятерки. Первое лето своей взрослой рабочей жизни решили провести тоже по-взрослому. Теперь не было никакой повышенной стипендии, да и источников финансирования Антон пока так и не нашел. С начала июля вышли на работу: Яну взяли в городскую службу Озеленения и Благоустройства Северо-Восточного округа Москвы, Антон поступил в Аспирантуру МФТИ, и его пригласили на работу в «Ростехнологию», где он с группой физиков занимался как раз важней-

шей для него темой квантовой телепортации. Мечта о собственной лаборатории не оставляла его ни на секунду, работать над чужими проектами было, безусловно, интересно, но двигать свой не получалось. Но, глядя на бешеный блеск его глаз в то время, когда он рассказывал Яне о своих идеях, она понимала, что он точно добьется своего. Рано или поздно. И все к тому, в принципе, двигалось.

Антон писал научные статьи, преподавал в институте, как положено аспиранту, заслужил великолепную репутацию на работе и, постепенно обрастая профессиональным авторитетом, становился всем известной фигурой в мире квантовой физики. Жили они по-прежнему в общежитии, слава аспирантуре! Но пора было подумывать о том, что будет потом. Антон брался за любую работу. Писал научно-популярные статьи для коммерческих изданий, помогал с диссертациями, даже репетиторствовал. Яна тоже старалась, как могла. Работала сверхурочно, по ночам переводила Тосины статьи на английский, с которым у нее было совсем неплохо.

Зимой две тысячи третьего у Антона умер двоюродный дядя, Николай Павлович, или Палыч, как всегда звал его Тося, оставив ему в наследство квартиру. Это было грустно и неожиданно. Палыч был одинок и как-то неприспособлен к жизни. На похороны пришли всего двое его приятелей и начальник ЖЭКа, где Палыч проработал последние двадцать лет. Яна с Тосей переехали в двушку на Пролетарке. Денег, отложенных за последние пару лет хватило на минимальный ремонт. Теперь у них был свой дом. Настоящий, где у Антона был свой кабинет, а спальня и кухня были разными помещениями. Яна быстро освоилась с ролью хозяйки, ей стало доставлять удовольствие обустраивать новый дом, принимать гостей, а самым частым гостем был, естественно, Мишаня. Они с Антоном часто засиживались до утра, бесконечно решая какие-то уравнения. Яна выдала им все оставшиеся от ремонта обои, отчего количество разбросанных по комнате бумаг несколько сократилось. Янина мама заехала один раз, осталась недовольна ремонтом и через час потребовала вызвать ей такси.

День рождения Антона первый раз встретили по-домашнему. Тося слегка посопровтивлялся, он не особо любил всякие праздники, признавал только годовщину их с Яной встречи и Новый год. Но дата была круглой – двадцать пять лет. На кафедре ему надали кучу подарков, поздравляли не только с днем рождения, но и с написанной диссертацией, защита которой была намечена на май, оставалось всего полтора месяца, но никто не сомневался, что она пройдет блестяще. Вечером приехали Мишаня и Дашка с новым кавалером. Засиделись до глубокой ночи, метро закрылось, Дашку с кавалером отправили спать в кабинет на диване, а Яна с Антоном и Мишаней перебрались на кухню и продолжили пить чай, переговариваясь как можно тише.

– Зря ты, Тоха, опубликовал ту статью в «Кванте». Я боюсь, как бы нами не заинтересовались военные, – зевнув, сказал Мишаня.

– Ну и ладно, – покладисто согласился Антон.

– Как ладно? Засекретят, и кирдык.

– Да брось ты, – Антон потянулся, задев рукой полку с посудой, – Ты же знаешь, в каком все развале. Так-то капитализм случился, всем на все плевать, кроме денег.

– А хоть бы и засекретят? – вмешалась Яна, – Что такого? Зато, может, лабораторию нормальную дадут.

– Не, просто засекретят, и ничего не дадут, вот чего я боюсь.

– Не каркай, – сказал Антон, – Мне вчера декан звонил, говорит, какой-то спонсор вроде наклонился. Не понимаю, зачем ему это надо, но может, зачем-то надо.

– Для пущего пиару, – заявил Мишаня, – Чайку мне еще плесни, Ян, а то голова трещать начинает.

– Шел бы ты спать, Мишань, я тебе постелила, правда на полу, ты уж извини.

– Ну вот, – расстроился Мишаня, – Давайте, лучше я лягу на вашей шикарной кровати, а вы на пол, а?

– Жениться тебе пора, – рассмеялась Яна.

– Ясно, – Мишаня встал поплелся в ванную.

– Что за спонсор, Акимыч не сказал?

– Не, ничего пока конкретного. Я даже думать лишний раз об этом не хочу. Столько раз надеялся, и срывалось.

– А вдруг?

– Вдруг. Было бы, конечно, не плохо. Без практики никак. Понимаешь, наука – вещь объективная. Нам нужен прорыв, а если мы его не сделаем, то его все равно кто-нибудь когда-нибудь сделает. Может, прямо сейчас где-то в Японии уже идет эксперимент, пока мы тут ходим-побираемся. Не то, чтобы обидно. Но ведь мы так-то первые докопались. А потом, можно и нужно идти дальше.

– Тосенька, – Яна села к нему на колени и, обняв, прошептала на ухо, – У меня такое чувство, что на этот раз получится. Вот увидишь. Будет тебе шикарный подарок на день рождения!

– Твоими бы устами, – прошептал Тося в ответ, – Вот этими, – и поцеловал ее.

Сколько раз потом Яна вспоминала этот разговор на кухне. Этот разговор, черт бы его побрал.

Спонсор и впрямь нарисовался. Научный руководитель Антона позвонил ему через пару дней, и просил срочно подъехать на кафедру и привезти с собой все материалы в «Приличном», – подчеркнул он, – Приличном виде. Спонсор был русскоговорящим, но с каким-то иностранным образованием и гражданством. Привык-де к красивым презентациям. Антон засобирился. Мишаня переписал по-новой диск, дополнив его новой информацией с красивыми графиками и доходчивыми картинками. Распечатали расчеты, купили красивые папки. Антон отвез все это Акимычу, не слишком рассчитывая на успех. Но предчувствия Яну не обманули. Акимыч перезвонил на следующий день. Антон был дома. Положив трубку, он заметался по комнате. Набрал Мишане, залетел в кабинет, задвигал там ящиками стола, Яна из кухни не слышала, о чем он там говорит, но было понятно, что волнуется. Наконец Антон появился на кухне и, схватив сырник со стола, объявил:

– Ясная, ты не поверишь, прямо как в воду смотрела! Спонсор заинтересовался. Приглашает нас в ресторан, – он победно помахал сырником, – Поговорить. Завтра. В семь. В «Пушкин»! Что делать?

– Как «что»? Идти, разумеется! Я тебе сиреневую рубашку поглажу, галстук не обязательно...

– А ты?

– А что я?

– Он сказал, приходите с женой.

– Но это же необязательно?

– Раз с женой, значит формат такой. Он, значит, тоже с женой будет.

– А Мишаня? Где мы ему жену за сутки найдем? – улыбнулась Яна.

– Мишаня не пойдет.

– Почему?

– Он говорит, что в такой ресторан ему нельзя, что он, когда волнуется, начинает жрать руками, может графин водки заказать и вообще... Акимыч намекнул, что этот дядька хочет именно со мной разговаривать.

– Постой, а ты знаешь, что за пафосный ужас этот «Пушкин»? Там же надо быть... ну... во фраке или в смокинге как минимум, а дамам – в брильянтах по сто карат? И еще там будет куча вилок, которыми я пользоваться не умею, и, наверное, надо будет заплатить за ужин? А ты

знаешь, что это не одна тысяча долларов? А у нас тысяч пять рублей, если вместе с мелочью. Что делать? – Яна тоже растерялась, – Может, вежливо отказаться?

– Ясная, ты понимаешь, первый раз дошло до личной встречи. Надо идти. Давай так: денег я займу у того же Акимыча, костюм у меня вполне приличный, а ты сама придумай, что одеть, чтобы по этикету подошло. Возьмем такси. Все, я побежал готовиться. Надо расписать кое-что, – и Антон, по прежнему держа сырник в руке, скрылся в кабинете. Правда, тут же вернулся и положил его назад на тарелку.

А Яна позвонила Дашке. Последний год она занималась дизайном интерьеров и изрядно обросла всяческими богемными знакомствами, в том числе галеристами, художниками, стилистами, о чем рассказывала Яне в красках и подробностях. На следующий день, взяв по отгулу на работе, они встретились в студии у модного, по словам Дашки, московского дизайнера одежды, Рината, который, характерно растягивая гласные, со входа начал ворковать с Дашкой о своем, о девичьем и, напоив дам чаем, приступил к «упаковке совершенно запущенной девицы», как он назвал Яну.

– Ринатик, зайка, ты видишь, какая у нее фактура, крутя Яну перед огромным зеркалом, нахваливала Дашка, – Ты посмотри, рост! Блондинка! Глаза какие! Щиколотки и запястья какие тонкие. Порода, Ринатик! Шик!

– Да богиню сделаем, чесслово, – всплескивал руками Ринатик, – раздевайся, Дусечка, не стесняйся, я как врач, ничего личного, – и потом они долго прикладывали к Яне платья, образцы каких-то тканей, спорили, постоянно употребляя неизвестные Яне слова. Наконец Ринатик определился со стилем. Сказал, что будет делать «фройляйн», позвонил своему другу Максику, который приехал буквально через полчаса с целым чемоданом всякой парикмахерской атрибутики.

К пяти вечера образ фройляйн начала сороковых был готов. Максик развернул ее в кресле к зеркалу и, встав, Яна искренне не узнала себя. Ринат, Максик и Дашка, умильно обнявшись, зачарованно смотрели на нее. А из зеркала на Яну смотрела высокая, очень изящная женщина в струящемся алом платье в пол, с замысловатыми платиновыми локонами в асимметричной прическе, с подчеркнута огромными глазами, подернутыми тенями, отчего, как это бывает в старых фильмах, взгляд становился несколько драматичным. Красная помада на губах, белый шарф сползает с плеч.

– Ох, ничего ж себе, – ахнула Яна.

– Богиня, богиня! – пропел Макс и чмокнул Ринатика в щеку, – надо сфоткать, и легко убежал за камерой.

– Да, не ожидала, – сказала Дашка, – обходя Яну кругом, – Супер! Вот могла бы так и замуж выйти. Только в белом, представляешь? А не в джинсах.

– Дашуль, ты же знаешь, Тосе все равно, – у нее зазвонил мобильный, – А вот и он, легок на помине.

Тося заехал за ней через полчаса на такси. Яну проводили до машины всей толпой, а Антон, увидев ее, выскочил из машины. На нем был взятый напрокат серый костюм от Версаче. Увидев Яну он застыл, не находя слов.

– Ого! Так-то ты... королева! Вот это да!

– Нет, – заявила Яна противным голосом, – Ринатик говорит, что я богиня, – она села на заднее сиденье, Дашка сунула ей в руки белый клач.

– Вот, чуть не забыла. Платье завтра верни, и туфли, и все остальное. Ну, с богом! Потом расскажешь, как прошло. Антон, не вздумай ее целовать, макияж попортишь. И вообще, сядь лучше вперед. Вот так. Все, – Даша постучала по крыше машины ладошкой, – Трогай! А то вот прохожие шеи сворачивают.

Всю дорогу до ресторана Антон сидел, развернувшись на переднем сиденье и смотрел на Яну огромными глазами и. Он словно в первый раз ее увидел.

– Ну прекрати, – Яна махнула на него рукой, – Ты меня пугаешь. Ты хоть помнишь, о чем говорить со спонсором? Кстати, как его зовут?

– Ты очень, очень красивая, – пролепетал Антон.

– Ясно, – рассмеялась Яна, – А отчество?

У входа в «Пушкин» к машине торопливо подошел швейцар в красной ливрее и проводил в вестибюль. Яна никогда не была внутри, зато часто пробегала мимо по дороге к метро. «Пушкин» поражал своей помпезностью и очень, очень дорогим пафосом. От обилия позолоты, зеркал и красного бархата начинало слегка мутить. Их проводили в один из частных обеденных залов, где за столиком у окна сидел мужчина. Спутницы при нем не было. Швейцар уверенно направился к нему и шепнул что-то. Мужчина поднял глаза от газеты, которую просматривал, и улыбнувшись вежливой улыбкой, привстал. Антон в три шага пересек зал и протянул ему руку.

– Добрый вечер. Олег Михайлович?

– Да, – еще шире улыбнулся мужчина, не сводя глаз с Яны, – А Вы, должно быть, Антон... простите, забыл отчество, Крутов?

– Да, можно просто Антон. Очень приятно, а это моя супруга Яна...

– Яна, – улыбнулась она, соображая, надо ли подавать руку, и не решила.

– Очень приятно, – Олег Михайлович указал на их кресла.

Обменялись несколькими светскими фразами, Олег Михайлович подозвал официанта. Заказали аперитив, Тося от спиртного отказался, боялся, что в речи начнут проскальзывать уральские словечки. Говорил потенциальный спонсор мало, манеры его были вальяжны, Яна незаметно наблюдала за ним, стараясь не участвовать в разговоре. Возраст определить было сложно. То ли светский лоск добавлял солидности, то ли наоборот, молодил, но на вид Олегу Михайловичу было лет тридцать пять. Невысокий, как заметила Яна, когда он привстал из-за стола, крепко сбитый, с правильным открытым лицом и удивительно светлыми глазами. Улыбался он белозубо, но редко. И вообще, мимикой владел в совершенстве. В нем чувствовалась удивительная... Яна не могла подобрать формулировки... властность что ли? Да, от него веяло силой и уверенностью в себе. Чем он занимался, Акимыч толком не знал, сказал только, что это большой бизнес, причем международного масштаба. И еще, что господин Войцеховский метит в большую политику. Такие люди ездят по Москве с охраной и мигалками и никогда не пересекаются с простыми смертными. Яна украдкой рассматривала его идеальный костюм, посверкивающие из-под лацканов бриллиантовые, не иначе как, запонки.

Рекомендации, данные Антону его научным руководителем, были блестящими, как сказал Олег Михайлович. Но разговор по существу вопроса все никак не начинался, и Антон слегка нервничал. Яна надеялась, что это не очень заметно, хотя от человека с деловыми качествами высочайшей пробы, вряд ли могло что-либо укрыться, поэтому она незаметно дотрагивалась туфелькой до ноги Антона под столом, и он сразу сбавлял тон, так они договорились заранее.

Не раз Яна перехватывала взгляды Олега Михайловича, направленные на нее. В ответ она не улыбалась и невольно отводила взгляд от его странно светлых, особенно выделяющихся на загорелом лице, глаз. Антон этого не замечал, но Яне казалось, что отвечает Олег Михайлович вовсе не ему, а ей, Яне. Было не по себе, и ей казалось, что это очень заметно. «Интересно, где же твоя пресловутая супруга?» – думала она, – «И зачем меня вообще сюда пригласили?» Наконец она, извинившись, вышла в дамскую комнату, и, пока шла, лавируя между столиками, чувствовала спиной, беззащитно оголенной дурацким платьем, белый взгляд бизнесмена, прожигаящий кожу между лопаток. Яна рефлекторно поправила шарф и, оказавшись в великолепном помещении, дурновкусно расписанном ангелами и украшенном бархатными диванами, которое очень сложно было назвать санузлом, наконец выдохнула. Было тяжело, общение с этим человеком ужасно ее тяготило. «Ничего, – сказала себе Яна, – в любом случае,

осталось недолго», – и поймала себя на том, что ей вовсе не хочется, чтобы Тося договорился именно с этим спонсором. От него исходила какая-то угроза, опасность. Яна кожей чувствовала, что не надо с ним связываться. Но, вернувшись в зал, она увидела, что Антон уже закурил сигарету. Он жестикулировал, уже немного повысил голос, а Олег Михайлович улыбнулся одними глазами, но когда Яна присела за стол, разговор как-то сам собой затух. Тося явно смешался. Он рассказал все, что мог и не понимал реакции. Яна, стараясь не встречаться взглядом с Олегом Михайловичем, старательно продолжала говорить ни о чем.

Когда подали горячее, Тося уже заметно нервничал. Дело, видимо, не продвигалось, а светская болтовня вязла на зубах. Повисло неловкое молчание. Яна сосредоточенно резала ножом стейк, Антон крутил в руках бокал вина. Наконец, Олег Михайлович нарушил молчание:

– Антон, можно «на ты»? – и, не дождавшись ответа, продолжил, – Ты же понимаешь, я не собираюсь разбираться в подробностях твоего проекта. Мои эксперты оценили перспективы твоих разработок и рекомендовали мне вложиться в это дело, – Он сфокусировал на Антоне пристальный прищур своих странно-светлых глаз, – На днях с тобой свяжутся мои адвокаты, ты подпишешь договор о намерениях. Все, что тебе необходимо на первом этапе, а это, – Олег Михайлович защелкал пальцами, – Что ты там говорил?

– Линейный ускоритель, поворотные магниты и охлаждающая установка, – заученно проговорил Тося.

– Да, вот это все будет профинансировано в течение месяца. Остальное – согласно проекту. Работаем до результата. Идет?

– Олег Михайлович, да конечно! Не знаю, как Вас благодарить! – Антон был ошеломлен, по голосу Яна поняла, что он не верит своим ушам, – Это ж... Супер! – Он уже не мог не улыбаться.

– Ну вот и славненько, – Олег Михайлович кивнул, и Яна поняла, что пора прощаться.

– Благодарю Вас, Олег Михайлович, – Яна улыбнулась, – Наверное, нам пора? – интонация получилась вопросительной, и Яна заозиралась в поисках официанта, параллельно задев ногой Антона, мол, надо рассчитаться. Но господин Войцеховский встал первым. Тут же за его спиной невесть откуда возник охранник. «Прятался что ли за шторой?» – успела подумать Яна. Антон тоже неловко поднялся.

– Нет, вы оставайтесь, на самом деле пора мне, – он обошел стол и, вместо того, чтобы пожать протянутую руку Тоси, подошел к Яне, остановился, нависнув над ней и, склонившись больше, чем позволяли приличия, тихо сказал:

– Яна! Я могу Вас так называть? – и, не успела она ответить, – Алексей Акимович говорил, что у Антона Крутова безумно красивая жена. Но я и представить себе не мог... – Он смотрел в упор своим прозрачным взглядом, пауза неловко затянулась. Яна отвела глаза, – Всего доброго, Антон, – резко сказал Олег Михайлович и, пожав через голову Яны руку Антона, развернулся и быстро пошел к выходу, бросив на ходу охраннику, – Рассчитайся и за мной.

– До свидания, – хрипло пискнула Яна ему в спину.

Охранник выхватил из внутреннего кармана портмоне, при этом мелькнул ремень портупеи, не глядя достал карту, бросил на стол и быстро пошел следом за хозяином. Секунд десять Тося с Яной молча смотрели им вслед, потом Тося медленно сел на место.

– И что это сейчас было? – спросила наконец Яна.

– Офигеть, он что тебя клеил? – на лице Тоси было полное недоумение, – Я ему тут про сигнал из Эверетовского мира, а он... Как это понимать?

– Да нет, не может быть, – Яна тряхнула головой, – Просто он странный. Они все странные, эти олигархи, как инопланетяне.

– Может, так и есть на самом деле. Я все в параллельные миры прорваться мечтаю, хотя бы микрочастицей какой, а может они к нам давно физически прорвались?

– Так и есть, – рассмеялась Яна. С уходом Вайцеховского она почувствовала огромное облегчение, – Ну чего, Тось, давай пожрем как следует?

– Так-то можно, – заулыбался Антон, – когда еще придется?

Только дома, приняв душ и переодевшись в смешную пижаму с медведями, Яна почувствовала себя, наконец, в своей тарелке. Странный господин с белыми глазами и наглыми комплиментами отошел на второй план, и стало ясно, что гораздо важнее как доволен Тося. У него горели глаза, раз десять он позвонил Мишане, рассказывая в лицах, до чего они договорились. Мишаня что-то орал в ответ, и было ясно, что он тоже безумно рад. «Ладно, – думала Яна, – Если что, я этого белоглазого быстренько налажу.»

Потом они долго пили чай на кухне. Яна сидела, сложившись в своем любимом кресле на колесиках, Тося опять рассказывал о светлом будущем, окна были открыты, ветер шевелил полосатыми шторами, и тогда все еще было хорошо.

7

Яна проснулась и первые несколько секунд после пробуждения продолжала думать привычное: Тося, Туз, трос, дерево... Часто бывало и наоборот – ей снилось, что все хорошо, что все живы. Они гуляли с Тосей по Крутицам, вокруг наматывал круги огромный черный пес Туз, а иногда Антон держал за руку худенького белокурого мальчика с большими серыми глазами, и Яна знала, что это их сын, но почему-то никак не могла вспомнить, как его зовут, но это ее не тревожило, ей было легко, и она смеясь рассказывала Антону, какая дикая чушь ей приснилась: что ни его, ни этого мальчика, ни Туза нет в живых, причем по ее вине, что она замужем за мерзким Михалычем (приснится же такое), что она собирается покончить с собой, и Тося сгребал ее в объятия своими огромными ручищами и шептал, что она дурочка, что это просто страшный сон, и они шли дальше, и никого вокруг не было, только черный пес крутился под ногами. Яна открыла глаза. И вдруг вспомнила. Села. Нашла глазами телефон на столике рядом, потянулась к нему, запутавшись в одеяле, схватила, разблокировала экран. Ничего. Слава богу, ничего не пропустила. «Идиотка, – отругала она себя, – Нашла время спать». Взглянула на часы в углу экрана. Восемь пятнадцать, значит она проспала-таки больше трех часов. «Спала», конечно громко сказано, уснула она только на рассвете, всю ночь сквозь сон она слышала каждый звук, осознавала течение времени, а все органы чувств были настроены на знакомый сигнал сообщения. Стоп. Где Олег? Яна вырвалась из цепких одеяльных лап и бросилась к окну. Никого не видно. Улетел или еще нет? Яна, накинув халат, выглянула из спальни и крикнула:

– Нина, подойди, пожалуйста, – Так, пока все идет хорошо, телефон заряжен, это главное. В дверь постучала Нина своей птичьей лапкой, звук был сухой и трескучий, ни с кем ее не перепутаешь, – Входи, Нин, – Яна сунула телефон в карман. Нина протиснулась в спальню. Она всегда так делала. Открывала дверь чуть-чуть и ввинчивалась в узкую щель.

– Доброе утро, Яна Николаевна, – Нина, как ей казалось, улыбнулась, на самом деле это больше походило на оскал.

– Нина, Олег Михайлович у себя?

– Нет, он уехал в аэропорт час назад. Миша его повез. Завтрак когда подавать?

– Через полчаса.

– А что Вы желаете...

– Нина, – перебила ее Яна, – Ты же знаешь правильный ответ: мне плевать. Все, спасибо, – Яна развернулась и, пожалуй, слишком быстро пошла в ванную. Закрыла дверь. Села на банкетку в углу. Достала из кармана телефон и положила на столешницу. «Господи, – думала Яна, – Пусть он напишет прямо сейчас, ну или скоро-скоро, пожалуйста, кем бы он ни был.» О том, что этот кто-то – Тося, было страшно думать. Страшно сглазить. Яна быстро приняла душ, не закрывая дверцу кабины и не сводя глаз с телефона. Завернулась в полотенце и открыла было ящик комода с бельем, как телефон завибрировал. Яна молниеносно подлетела к нему. Так, есть! Вот! Яна так волновалась, что буквы прыгали перед глазами, не желая обретать смысл. Наконец, сделав глубокий вдох и прикрыв на пару секунд глаза, Яна собралась и прочитала: «ЯСНАЯ. ЗАПОМИНАЙ ДОСЛОВНО. 1. ВЕДИ СЕБЯ КАК ОБЫЧНО. 2. НЕЗАМЕТНО СОБЕРИ УДОБНУЮ ОДЕЖДУ ТЕМНУЮ, КЕПКУ ИЛИ ПЛАТОК, КРОССОВКИ И ПРОЧНУЮ ВЕРЕВКУ ИЛИ ТРОС НЕ МЕНЕЕ 6 МЕТРОВ, НЕСКОЛЬКО МУСОРНЫХ ПАКЕТОВ ОБЪЕМОМ ПО 100 Л, ПОЛОЖИ В РЮКЗАК И СПРЯЧЬ В ЛЕСУ НЕДАЛЕКО ОТ ОБРЫВА В СЛЕПОЙ ЗОНЕ КАМЕР ТАК, ЧТОБЫ НИКТО НЕ НАШЕЛ, ЛУЧШЕ ПОВЕСЬ НА ДЕРЕВО. 3. ТАМ ЖЕ (У ОБРЫВА) НАЛОМАЙ ТОНКИХ ВЕТОК ПРИМЕРНО 1 КУБ МЕТР, СОБЕРИ В КУЧУ. 4. ВОЗЬМИ ИЗ АПТЕЧКИ БИНТ, ПЛАСТЫРЬ, ОБЕЗБОЛИВАЮЩЕЕ. 5. СОБЕРИ: НОЖ, НОВУЮ ЗАЖИГАЛКУ, ФОНАРИК, 5 ПАЧЕК ЧЕР-

НОГО МОЛОТОГО ПЕРЦА. 6. КУПИ И ЗАРЯДИ ЕЩЕ ОДИН ТЕЛЕФОН. 7. ХОРОШО ПИТАЙСЯ, ОСОБЕННО НАЛЕГАЙ НА БЕЛОК. 8. НИКАКИХ ЛЕКАРСТВ НЕ ПЕЙ. 9. ПРИПАСИ ПАРУ ШОКОЛАДОК. 10. ВЫЙДУ НА СВЯЗЬ ПРИМЕРНО В 6 ВЕЧЕРА. 9. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. ТОСЯ.»

Так. Побег. Памятуя о последней своей попытке сбежать, Яна даже не пыталась думать, как именно он удастся. На ее взгляд, Олег досконально продумал все возможности ее бегства и присек их на корню. Она пыталась уйти от него не один раз. Сначала просила по-хорошему дать ей развод, потом пыталась уехать: из Москвы, из России, потом из Франции, потом (наивная дурочка) выбраться отсюда, с острова. Всякий раз он лично или его служба безопасности во главе с преданным как пес Игорем, находили и возвращали ее легко в считанные часы. Поэтому возможность незаметно выбраться хотя бы с территории «Autumn ripe» Яна даже не рассматривала. Особняк окружали десять гектар леса на южном склоне Лонг-Рейнж. Вокруг дома это был тщательно ухоженный парк, плавно переходящий в настоящий лес, местами мало-проходимый, заросший кизильником и терном. По периметру шестиметровый забор, кроме того места, где лес заканчивался отвесным обрывом, скорее даже пропастью метров сорок глубиной. Такие расщелины прорезали все южные предгорья Лонг-Рейнж и спускались вниз, к океану. В него ущелье было узким, но тянулось до самого моря и нигде нельзя было спуститься без снаряжения и специальных навыков. Строя суицидальные планы, Яна не рассматривала вариант прыгнуть туда по той причине, что на расстоянии метров пяти от края этого обрыва располагалась каменная «полка», уступ тянущийся параллельно краю пропасти сколько хватало глаз в обе стороны. Как ни разбегайся, если прыгнешь – непременно упадешь именно на него. «Вряд ли погибну, но переломаюсь как следует,» – думала Яна всего неделю назад, стоя на краю, – Меня поднимут, вылечат, и вряд ли я потом вообще выйду когда-либо из этого проклятого дома.»

Камеры просматривали почти всю территорию, за исключением немногих зон, где пройти без бензопилы было и так невозможно. Мало того, даже если Яна представляла себе, что каким-то волшебным образом выбралась с территории поместья, то потом надо было покинуть остров. Чертов Ньюфаундленд, куда в свое время сама хотела уехать подальше от Москвы и прошлых воспоминаний. А покинуть остров было невозможно без того, чтобы об этом тут же не узнал Игорь. Да и местные не согласились бы ее вывезти, потому что стараниями Олега, каждая собака знала, что у симпатичного и добродушного русского мецената совершенно сумасшедшая жена, на счету которой множество попыток самоубийства, клиническая депрессия и биполярное расстройство личности, что она сидит на тяжелых препаратах и не отвечает за свои действия, поэтому долг каждого не идти у нее на поводу, а немедленно сообщить о ней либо Олегу, либо в полицию.

Но теперь можно было действовать! Яна понимала, что план побега точно гениален, как и все, что делал Тося. И то, что она не смогла придумать никакого выхода вовсе не означало, что его нет. Тося гений, он знает, что делает. Теперь уже Яна не сомневалась. Непонятно, как, откуда у него столько подробной информации, непонятно где он, откуда он знает такие тонкие детали, но он знает. И выгащит ее. Все. Точка. Сердце забилося чаще. Как-то раз Ева – чудесный психотерапевт, говорила Яне, что самое лучшее эмоциональное состояние человека это энтузиазм, а самое худшее – апатия. Вот именно энтузиазм она сейчас и ощущала каждой клеточкой тела. Да! Наконец-то можно и нужно действовать. Яна быстро оделась: спортивные брюки, футболка, волосы наскоро вытерла полотенцем. Легко сбежала по лестнице в столовую, на ходу позвав Нину.

– Ну, где завтрак? – спросила Яна, направляясь к столу.

– Вы же сказали через полчаса, а прошло двадцать минут, – Нина подняла бровь, недоумевая, что такое происходит с Яной, ведь последние два месяца она упорно отказывалась от еды, а ела только под нажимом хозяина.

– Давай, давай, скорее, – Яна села в свое кресло и разблокировала телефон. Ничего. Пусто. Сообщение исчезло, но каждое слово врезалось в память горящими буквами.

Деликатно скрипнув дверью, в столовую вошел мистер Вайлд и, встретившись глазами с хозяйкой, застыл в нерешительности. Взгляд ее изменился, он не был вялым и апатичным, как обычно. Яна смотрела на него прямо и холодно.

– Good morning, ma'am, – опустил глаза Вайлд.

– Вы что-то хотели, Вайлд? – по-русски спросила Яна, слегка приподняв брови.

– Excuse me, I don't un...

– Все ты понимаешь. Я вообще подозреваю, что у тебя русский родной, – Яна изуверски улыбнулась.

– I didn't know..., – продолжал держать марку Вайлд.

– ...что Яна захочет утром пожрать как все нормальные люди, да? – продолжила за него Яна, – Короче, свободен. Она не сводила с него глаз, пока он не скрылся за дверью. Тут же вошла Нина, неся поднос с завтраком. Принялась расставлять на столе все то, что Яна обычно с трудом заставляла себя есть по утрам: стакан свежевыжатого сока, пару тостов, яйцо всмятку, кофейник, таблетка на крохотной тарелочке.

– Это все? – взглянув на стол, спросила Яна. Нина взглянула на нее с удивлением.

– То-то еще, Яна Николаевна? Я думала, как обычно...

– Да. Что-то еще. Попроси Эдика пожарить яичницу из двух, нет, из трех яиц. С беконом. Масло. Джем. Сэндвич с тунцом. Салат. И побыстрее, – Нина открыла и закрыла рот, зависла на пару секунд и, наконец, направилась к двери, борясь, видимо, с желанием обернуться и еще раз внимательно зыркнуть на хозяйку. «Так-то, – думала Яна, – И доложить-то, сука, нечего. Ну аппетит у безумной Яны разыгрался, и что? Инкриминировать-то нечего, а хотелось бы тебе, Ниночка-дряниночка», – Яна улыбнулась ей вслед и перевела взгляд на окна. Только бы не подкачала погода. Что бы там не придумал Антон, но бежать придется явно по лесам и горам. А сезон дождей был в разгаре. Лило почти каждый день. И штормило. Но ладно, нет смысла думать за него. План должен быть идеальным, как и все, что делал Тося. Нужно следовать ему по пунктам. Вот сейчас, например, надо как следует позавтракать и сделать вид, что выпила таблетку.

Яна налила себе кофеи выпила почти залпом. Налила еще. Через несколько минут вошла Нина, с видимым усилием неся поднос, плотно заставленный тарелками. В дверном проеме маячил Вайлд с удлинившейся черепашной шеей. Нина начала расставлять на столе еду, не дожидаясь, пока она это доделает, Яна придвинула к себе тарелку с яичницей.

– Спасибо, Нина.

– Не забудьте про лекарство, – Нина взглядом указала на таблетку в блюдечке.

– Конечно, – весело улыбнулась Яна, – Можешь прямо сейчас позвонить и доложить, что я это сделала.

– Да, но Олег Михайлович настаивает, чтобы Вы сначала...

– Ниночка, – с деланным беспокойством спросила Яна, – А у тебя никогда не было чувства юмора? Или ты его утратила в результате общения с моим мужем? – Нина поджала губы и сделала было движение, чтобы уйти, но сдержалась, – И еще: почему каждое предложение ты начинаешь с «Да, но»?

– Я не начинаю...

– Свободна, Нин, – Яна кивнула в сторону двери и взяла в руки вилку с ножом.

Через пятнадцать минут, сунув таблетку за щеку, Яна вернулась в свою комнату. Выплюнула таблетку в руку, сделав вид, что закашлялась. Прошла в гардеробную. Так, что там по плану? Собрать вещи. Ни в коем случае не за один раз, Игорь или кто-нибудь из команды видеонаблюдения, могут заметить, что она куда-то собирается. Поэтому Яна якобы в задумчивости остановилась в середине комнаты, потом решительно подошла к стеллажу со спортивной

одеждой и, встав спиной к камере, стянула с полки две пары спортивных брюк и темно-серую толстовку. Долго их рассматривала, словно решая, что выбрать. Потом сняла с полки черную кепку с козырьком и небольшой рюкзачок со множеством отделений для всякой мелочевки, с которым она обычно гуляла с... с Тузом. Яна молниеносно отогнала от себя воспоминание о любимом псе, исчезновение которого стало последней каплей, переполнившей чашу ее тоски.

Так, все идет хорошо, думала Яна, одеваясь для пробежки. Она одела две толстовки, одну поверх другой, уверенная, что это не привлечет внимания, вторые штаны, небрежно скомкав, бросила в рюкзак. Так. Трос уже в дупле. Зажигалку и фонарик придется купить, у охраны ничего незаметно стащить не получится. Нож взять на кухне, мусорные пакеты и черный перец (зачем?!) там же. Надо придумать, как это сделать. Теперь аптечка. Яна прошла в ванную, стараясь двигаться как можно медленнее, она же якобы под препаратом, нельзя метаться, как хотелось бы. Закрыв за собой дверь, Яна открыла зеркальный ящик в дальнем углу огромной, закатанной в золотистый мрамор, ванной комнаты. Из коробочки с пластырями достала несколько пластинок, нашла упаковку бинта, пачку кетанова. Сунула в карман. Если что – скажет, что вчера натерла ноги новыми кроссовками, а таблетки авось не заметят. Присев на стул, Яна разулась и для пущей достоверности наклеила пластырь на пятку. Вот так. Надо быть внимательной к деталям. Так говорил Антон. Прихватив с собой рюкзак, Яна спустилась вниз. Теперь на кухню за ножом. В холле Яна наткнулась на Нину. Та явно нарочно поджидала ее.

– Прошу прощения, Яна Николаевна, Вы на пробежку?

– Нет, на заседание Совбеза ООН, а что? – Яна сделала попытку пройти мимо, не сбавляя темпа.

– Хотела уточнить Ваше расписание. Олег Михайлович велел пригласить к Вас стилиста сегодня к вечеру. Для приема в Лондоне. Кого пожелаете: Фрау Рогге или мисс Уотс? И время надо уточнить.

«К вечеру. Черт», – подумала Яна.

– Давай немку, что может быть пошлее, – сказала она, – к трем. Не позже.

– Как скажете, Яна Николаевна. Вам водитель сегодня понадобится? А то я хотела его в город отослать за рыбой.

– Не понадобится. Отсылай. Хотя... – она остановилась и подумала: «Зажигалка. Шоколад. Фонарик», – Я, пожалуй, тоже прокачусь. Скажи, пусть будет готов через час. И принеси мне бутылку холодной воды, – Нина уже развернулась, чтобы пойти, – Хотя нет, сама возьму, – сказала Яна и, ловко обогнув ее, направилась на кухню. Ясно, что у Нины не хватило наглости идти за ней, на что и был расчет. В огромной белоснежном помещении с черным мраморным островом посередине, над которым мерно урчала вытяжка, хозяйничала кухарка Даша. Повар ушел к себе до обеда, а Даша драила зеленой пастой огромный медный вок. Яна быстро прошла у нее за спиной, на ходу незаметно прихватив коробку спичек, со столешницы. Даша обернулась.

– Ой, Яна Николаевна, – улыбнулась она. Хорошая, в принципе, девчонка. Рыженькая, с пухлыми руками и простецким круглым лицом, она, пожалуй, одна из немногих среди персонала, подобранного Олегом, не участвовала в его грязных игрищах. Просто мыла посуду, чистила, резала и делала все, что от нее требовал повар. Вернее, настоящий шэф, вертлявый итальянец с сальными глазками.

– Привет, Дашуль, – улыбнулась Яна, направляясь к холодильнику и на ходу оценивая перспективу украсть нож. Перспектива была сомнительной. Магнит с ножами висел над островом прямо под перекрещивающимся взглядом двух камер. Плохо, не пойдет. Яна открыла холодильник, бегло взглянула. Перье на стенке не было. Очень кстати, – Даша, а принеси мне, пожалуйста маленькую бутылку Перье из кладовки, – обернулась Яна.

Даша, кивнув и вытерев руки полотенцем, поспешила за водой, а Яна, как бы скучая, прошла вдоль острова, ведя пальцем по мрамору столешницы и прикидывая, как выйти из

под камер. Дойдя до нужного ящика, присела на минуту, вроде как завязывала шнурок, быстро приоткрыла его, достала рулон серых пакетов, вроде больших, сунула в карман. Нормально, не заметит. Их там полно. Встала как раз когда Даша вернулась с бутылкой воды.

– Спасибо, Дашуль, – улыбнулась ей Яна и вышла. В холле по-прежнему маячила Нина. Услышав Янины шаги, сделала вид, что драит огромное венецианское зеркало.

Яна забросила рюкзачок через плечо и, на ходу засунув бутылку в кармашек рюкзака, прошла через холл и вышла из дома.

Перейдя на легкий бег, Яна начала огибать дом справа, как обычно. У гаража никого видно не было, где-то вдалеке жужжала газонокосилка. Ветер налетал редкими, но резкими порывами. Небо было словно закатано асфальтом. Дождь будет. Причем надолго. Яна начала углубляться в лес по красной гравийной дорожке, петляющей между сосен и лиственниц. Пахло озоном и грибной сыростью. Если сильно ливанет, за ней, скорее всего, на гольфкаре поедет кто-нибудь из Игоревых людей с зонтом, спасать от дождя, согласно инструкции. Надо действовать быстрее. Яна прибавила темп. Взглянула на часы. Десять. Хорошо, время есть. Она обогнула по большой дуге «английскую поляну», гордость предыдущего владельца «Autumn ripe» и двинулась на восток, в сторону обрыва. Пробежав еще метров сто, свернула направо и по еле заметной тропе двинулась назад к поляне, к тому месту, где рос дуб. Вот он уже оказался из-за деревьев. Яна точно знала, что с этого ракурса можно подойти к нему, оставаясь незамеченной для камер. Она стянула с плеч рюкзак и, протиснувшись через плотные заросли поросли граба, метнулась через поляну к дубу и прильнула к стволу. Вытянула руку и нащупала дупло. Если вдруг кто и смотрел в монитор прямо сейчас, то вряд ли заметил бы среди ветвей ее руку. Вот и трос, слава богу, на месте. Яна не могла точно сказать, какой он длины. Метров пять-шесть, наверное, есть. Но другого все равно не найти. Она дернула петлю, и моток упал почти к ее ногам. Яна пригнулась, подтащила его к себе и, стараясь не производить лишних движений, вернулась через кусты на тропу. Спрятала трос в рюкзак. Есть. Как могла быстро Яна вернулась на дорожку. Она бежала и думала, что впервые за последние месяцы, да что там? годы, ей легко. Не щемило сердце, не сжималось поминутно что-то в груди. Мысль о том, что надо жить дальше не вызывала отвращения, более того, жить хотелось. Хотя бы для того, чтобы узнать, что будет дальше, получит ли она ответы, будет ли прощена, простит ли себя, отомстит ли. Яна вдыхала влажный смолистый воздух, ощущая его вкус и вязкую прохладу. Она прибавила скорости, раскинула руки и неслась, подставив лицо кронам вековых кедров туда, где сквозь них уже наметился просвет. Обрыв.

Яна разогналась так, что ели затормозила у края пропасти. Постояла, уперев руки в колени, отдышалась. Здесь камер точно не было. Посмотрела налево, направо. Разрыв в ограждении был небольшим, метров сорок, но ровно на том месте, где склон обрывался вниз отвесной скалой. Чуть левее центра каким-то чудом зацепившись за крошечный уступ, росла единственная чахлая сосна, ниже метров на пять – горизонтальный «балкон», шириной метра три, потом – пропасть. На противоположном склоне ущелья лес был почему-то сильно реже, лиственниц вообще не было видно, а если подойти к самому краю и посмотреть налево, было видно океан. Сегодня он был черным и на горизонте почти сливался с влажным тяжелым небом. Порыв ветра бросил ей в лицо щепотку мягких пихтовых иголок, со стороны Антлантики пахло солью, и в эту секунду Яна почувствовала себя совершенно счастливой. Закрыв глаза, стремительно наполняющиеся слезами, она сказала себе: " Не раскачивайся, никаких эмоций. Просто делай». И, открыв глаза, она была уже собрана и спокойна. Огляделась в поисках места, куда можно было бы припрятать вещи. Яна прошлась вдоль обрыва и в том месте, где начинался забор, увидела пару валунов, изрядно заросших ежевикой. Отлично. Она вытащила из рюкзака брюки, кепку, трос, таблетки, из кармана – рулон мусорных пакетов. Оторвала один, сложила в него все, включая спички, сняла обе толстовки, нижнюю тоже убрала в пакет, аккуратно свернула его, засунула в щель между камней, обмотав руку футболкой, старательно

распушила ветки. Ничего не заметно. Быстро оделась. Прошла еще немного вглубь леса. Найдя проплешину, заросшую низким кизильником, Яна принялась ломать ветки, пока не собрала небольшой стожок. Объяснить это будет сложно, но вряд ли прямо сегодня кто-то его найдет. Зачем он нужен, Яна не имела ни малейшего понятия. Но Тося все объяснит. Потом. А сейчас пора уходить. Яна отряхнула с колен пихтовые иглы и листья кизильника, выпрямилась, еще раз бросила взгляд на противоположный склон ущелья и, закинув рюкзак за плечи, побежала назад к дому. Взглянула на часы. Все по графику, уложилась в сорок минут.

8

Кончилось лето. Яна поняла это, когда по дороге от метро почувствовала запах прелых тополиных листьев и рябины, их гонял по бульвару ветер, и в воздухе пахло осенней грозой. Дома допоздна она оставалась одна. Антон приезжал не раньше девяти, и с порога начинал рассказывать, как продвигаются дела. А дела действительно продвигались. Из подвала Тося с Мишаней перевезли лабораторию в бывший цех какого-то заброшенного завода, где усилиями Олега Михайловича был сделан шикарный ремонт, и краснокирпичное, почерневшее от времени здание внутри сияло белоснежно-стеклянной чистотой. Но главное, что Михалыч, как они теперь звали спонсора, закупил все необходимое оборудование, а выделенных им денег хватило для того, чтобы нанять с десятков сотрудников. В основном это были Тосины однокурсники, поэтому коллектив получился сработанный и веселый. Пару раз Тосю с Мишаней вызывали на Лубянку, где выспрашивали о сути их экспериментов, но Михалыч куда-то позвонил и заверил Тосю, что больше его дергать не будут, но отчеты сдавать придется ежемесячно, причем лично ему.

Постепенно Яна вникла во все тонкости Тосиной идеи, размах которой поражал и восхищал. Они часами обсуждали одним им понятные миры, бродили в них, держась за руки, сидя на кухне, гуляя по вечерним Крутицам, в метро, по телефону, при любой возможности. Тося уверял, что близок к прорыву, как никогда.

– Понимаешь, Ясная, есть еще какое-то неизвестное. Мы что-то не учитываем. Есть у меня подозрение, что, как ни странно, много зависит от места, в котором проводятся эксперимент. Этого, конечно, не может быть, не должно, но результаты немного рознятся. Так-то есть у меня идея, что кое-то зависит от гравитационного поля Земли, точнее, от аномалий этого поля, надо бы проверить. Только тогда придется еще одну лабораторию построить, или эту перевезти? Я тут пару мест наметил. Одно в Замбии, только, боюсь, не получится...

– Ага, нас там сожру, – улыбнулась Яна.

– Фу, мадам, – Антон слегка толкнул ее плечом, – Какая Вы нетолерантная.

– Какая?

– Это слово для обозначения тех, кто подозревает бедных замбийцев в людоедстве.

– Ааа, вон оно что! А второе?

– Что?

– Место второе?

– Вот ты меня сбила, уже забыл, – теперь Яна толкнула его локтем, – А, вспомнил! Остров Ньюфаундленд.

– Я в детстве мечтала о собаке такой.

– А я хотел бы черную, гладкую, с огромными ушами, как у Понтия Пилата.

– А давай заведем собаку?

– Что-то ты меня с темы сбила, – Антон притянул ее к себе. Они бродили по Крутицкому подворью. Антону жутко нравилось это место, кусочек настоящей старой Москвы, чудом сохранившийся в безумном мегаполисе, и, опять же чудом, находившийся в пяти минутах от их дома на Пролетарке. Булыжные мостовые, деревянные домики в заросших садах, уже желтели, свешиваясь из-за заборов «золотые шары», падали яблоки, на лавочке грелся полосатый кот. О Москве напоминал только мерный гул машин где-то за рекой, и Яна знала, что именно здесь Антон чувствует себя как дома, в провинциальной тихой Ревде, где он вырос и где до сих пор, примерно в таком же доме, с резными наличниками на окнах и «золотыми шарами» и флоксами в палисаднике жила его мама. Яна знала, что он скучает, но времени повидаться с ней все никак не находилось. Более того, времени не находилось даже на выходные. Иногда, войдя в раж, Антон не замечал, что уже глубокая ночь, а он все еще в лаборатории. Яна не беспокоила

его звонками, знала, что он приедет не раньше, чем следующим вечером, с темными кругами под глазами, осунувшийся и небритый. Но выходные все же выдавались, и Яна с Тосей всегда проводили их вместе, только вдвоем, гуляя так, как сейчас – рука об руку по Крутицам.

– Собаку? – Антон вздохнул, – Боюсь, жизнь у нее будет собачья. Меня целыми днями нет дома, ты тоже на работе. Она будет скучать и выть, и соседи нас выселят.

– Ладно, не будем мучить соседей. Но потом как-нибудь обязательно заведем. Я очень хочу собаку.

– А что еще?

– Чтобы у тебя все получилось.

– Ну, все -не все, это ж бесконечный процесс, его еще наши правнуки будут дорабатывать.

«Да, наши правнуки», – подумала Яна, и постаралась не фиксироваться на этой теме. Ребенка они хотели очень. Глядя на Антона, такого огромного, сильного, такого талантливого, доброго, лучшего во всем мире, она неизменно представляла его маленькую копию, малыша, обязательно мальчика, с такими же бровками домиком, когда он любопытничает, с такими же вечно взъерошенными волосами, такого сладкого, и чтобы он был всегда при ней, чтобы они гуляли вот так уже втроем по этой волшебной улице. Она бы назвала его Николаем, в честь отца. Он был бы счастлив. Но об этом Яна старалась не думать, чтобы не сглазить. Потому что пока не получалось. Уже год, как не получалось. Яна прошла по врачам, ее уверили, что с ней все в порядке, что такое бывает сплошь и рядом, и не стоит беспокоиться. Вот Яна и старалась не фиксироваться, а удерживать в сознании реальность, созданную ей, не смотря ни на что.

– Ладно, – вернулась она к разговору, – Насчет Ньюфаундлента – это реально?

– Это если удастся Михалыча продавить. Так-то он сейчас в политику попер, ему не до нас небось. На следующей неделе обещал заехать, попробую поговорить.

После оставившего неприятный осадок знакомства, Яна никогда не слышала ничего негативного об Олеге Вайцеховском. Тося с Мишаней, напротив, отзывались о нем, как об интеллектуале с энциклопедическими знаниями, умнице, человеке необычайной силы. Спонсируя эксперименты, он, безусловно, имел какую-то одному ему известную цель, и, возможно, цель это была не его личной. Не исключено, говорил Тося, что работы в этой сфере интересуют какие-то структуры, и не факт, что только внутри страны.

Так или иначе, свою часть договора он выполнял четко, никаких проволочек не возникало. Иной раз Олег безо всяких просьб привозил в лабораторию суперсовременное оборудование, мощные компьютеры, нанимал дорогущих консультантов. Но когда лаборатория окончательно состоялась и заработала в полную силу, господин Вайцеховский взял за правило приезжать без предупреждения, причем всегда совершенно случайно в те редкие случаи, когда туда заезжала и Яна. Это было немного странно, иной раз ей казалось, за ней следят. Вел себя Олег Михайлович весьма корректно, придраться было не к чему, ничего, кроме слишком долгих взглядов, интимного тона, случайных прикосновений к руке. Но со временем его внимание стало всерьез настораживать Яну. И, хотя она старалась не оставаться с ним наедине, в те редкие моменты, когда это случалось, Яна цепенела под пристальным взглядом его прозрачных, неестественно светлых глаз, замолкала, и терпела, пока не подворачивалась возможность уйти.

Присутствие Антона несколько не мешало Олегу оказывать Яне знаки внимания. Тося его маневров совсем не замечал, он был занят своей работой и все пытался донести до Михалыча как можно более доходчиво, как продвигаются дела и каковы их планы. Яна изо всех сил старалась, чтобы Тося не увидел этих взглядов и ее неловкого молчания. Тося ценил то, что сотрудничество с Олегом позволяет продвигать дело всей его жизни, его мечту. Яна от души надеялась, что господин Вайцеховский оставит, наконец, идею заведомо бесперспективных ухаживаний, тем более, что своих дел у него хватало и без нее. Его лицо все чаще мелькало на экране телевизора и в прессе, из категории успешного бизнесмена Вайцеховский перешел в категорию олигархов. Периодически его фамилия упоминалась в связи с благотворительно-

стью, иногда – в связи с финансовым или коррупционным скандалом. На фотографиях он всегда был окружен репортерами, охраной и шикарными женщинами, жаждящими внимания одного из самых богатых молодых олигархов в стране. Они бы отдали все, чтобы оказаться на Янином месте, так что она успокаивала себя тем, что для Вайцеховского ухода за ней – просто игра, и делает он это исключительно из спортивного интереса, просто по тому, что заранее знает, Яны ему не видать, как своих ушей, Яна любит Антона, будет любить его вечно и ни за что никогда не бросит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.